

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ**

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 5 № 1 2023

Vol. 5 No. 1 2023

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)
languagestudies.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1>
2023. Том 5, № 1
2023. Vol. 5, no. 1

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 2 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

2 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

А. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена

191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 2,64 Мб

Подписано к использованию 31.07.2023

При использовании любых фрагментов ссылка на журнал «Исследования языка и современное гуманитарное знание» и на авторов материала обязательна.

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitrij O. Dobrovol'skij (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia

48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 31.07.2023

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the journal "Language Studies and Modern Humanities" and the author(s) of the material in question.

Редактор М. А. Куракина
Оформление обложки О. В. Рудневой
Верстка Д. В. Романовой

Санкт-Петербург, 2023

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика и междисциплинарные исследования языка	4
<i>Андреева В. А.</i> Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе	4
<i>Beloglazova E. V.</i> Myth and fact in Russia-centered discourse: The case of (non-)fictional Shostakovich	13
<i>Комлева Е. В.</i> Категория перцептивности в верификации научной информации (на материале международных англоязычных научных докладов)	20
<i>Паневина И. Г.</i> Языковая реализация категории «чужого» в путевых заметках Клауса и Эрики Манн «Вокруг света»	28
Перевод и переводоведение	38
<i>Разумовская В. А.</i> Текст художественной литературы на языках кино и музыки: возможности и пределы перевода	38
Обзоры, рецензии, персоналии	47
<i>Фролова И. В.</i> Амбассадоры русской литературы в Париже. Рецензия на книгу: Кузьменко О. Н. (2022) Русская литература на rendez-vous с Парижем (18 в. — 20 в.)	47

CONTENTS

Linguistics and interdisciplinary research in language	4
<i>Andreeva V. A.</i> Narrative construction of gender in neomythological discourse	4
<i>Beloglazova E. V.</i> Myth and fact in Russia-centered discourse: The case of (non-)fictional Shostakovich	13
<i>Komleva E. V.</i> The category of perceptivity in the verification of scientific information (on the material of international English-language scientific reports)	20
<i>Panevina I. G.</i> Linguistic realization of the category “Alien” in the book of Klaus and Erica Mann “Runderum”	28
Practice and theory of translation and interpreting	38
<i>Razumovskaya V. A.</i> The text of fiction in the “languages” of cinema and music: The possibilities and limits of translation.	38
Reports, reviews, personalities	47
<i>Frolova I. V.</i> Ambassadors of Russian Literature in Paris. Book review: Kuzmenko O. N. (2022) Russian literature on rendez-vous with Paris (18 th century — 20 th century)	47

УДК 81.11-1122, 82.09

EDN XTFYZK

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-4-12>

Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе

В. А. Андреева ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Валерия Анатольевна Андреева,
SPIN-код: 7074-1717,
ResearcherID: C-5040-2019,
ORCID: 0000-0002-3433-4792,
e-mail: valeryandreeva@gmail.com

Для цитирования:

Андреева, В. А. (2023) Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 1, с. 4–12. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-4-12> EDN XTFYZK

Получена 17 августа 2023; прошла рецензирование 26 августа 2023; принята 26 августа 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. А. Андреева (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе рассматривается в статье как часть общей стратегии деконструкции архаического мифа, закрепляющего патриархальные гендерные стереотипы. В качестве материала исследования был использован неомифологический роман немецкой писательницы Кристи Вольф «Медея. Голоса». К материалу был применен мотивный анализ, направленный на выявление в тексте изотопических сетей как соотносимых с мотивом взаимосвязанных языковых маркеров. Возможность реконструкции мотива исходит из представления о нем как единице поэтического языка, которая обладает образной целостностью. Мифологические персонажи изоморфны конституирующим их мотивам, а стало быть, и тем гендерным стереотипам, которые они символически представляют. Деконструкция архаического гендерного стереотипа осуществляется через внедрение в нарратив социально-психологических мотивировок действий мифологических персонажей, в то время как в архаическом мифе действует презумпция сверхъестественной воли как мотивировки повествуемых событий. В связи с особенностями композиции романа, которая складывается из внутренних монологов персонажей, важным средством конструирования гендера являются речевая манера или речевой портрет. Анализ речевых портретов женских персонажей романа позволил выявить три гендерные модели — патриархальную (образ принцессы Главки), радикальную феминистскую (образ ученицы и соперницы Медеи Агамеды) и утопическую эгалитарную (образ Медеи). В статье выявлены речевые маркеры, репрезентирующие каждую из названных моделей. Эти речевые маркеры соотносятся с основными дискурсивными компетенциями — креативной (фактор субъекта), рецептивной (фактор адресата) и референтной (фактор контента). Каждая из гендерных моделей характеризуется доминированием одной из названных компетенций. Доминантой патриархальной гендерной модели является фактор контента, репрезентирующего привносимые извне в сознание персонажа идеи и мнения. В радикальной феминистской модели доминирует фактор субъекта, проявляющийся в ярко выраженном эгоцентризме говорящего, в то время как в эгалитарной утопической модели доминирует фактор адресата. Деконструкция архаического мифа, а значит, и патриархального гендерного стереотипа, получает в романе завершение в конструировании нового мифа и нового гендерного стереотипа. В романе К. Вольф новый миф о Медее, репрезентирующий эгалитарный гендерный стереотип, носит утопический характер, что характерно для неомифологизма как типа культурной ментальности Новейшего времени.

Ключевые слова: мотив, мотивный анализ, гендер, нарратив, неомифологизм, феминистский дискурс

Narrative construction of gender in neomythological discourse

V. A. Andreeva ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Valeria A. Andreeva,
SPIN: 7074-1717,
ResearcherID: C-5040-2019,
ORCID: 0000-0002-3433-4792,
e-mail: valeryandreeva@gmail.com

For citation: Andreeva, V. A. (2023) Narrative construction of gender in neomythological discourse. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 4–12. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-4-12> EDN XTFYZK

Received 17 August 2023; reviewed 26 August 2023; accepted 26 August 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. A. Andreeva (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) License 4.0.

Abstract. The article considers the narrative construction of gender in neomythological discourse as part of the general strategy of deconstructing archaic myth, which reinforces patriarchal gender stereotypes. The analysis of K. Wolf's novel "Medea. Stimmen" was aimed at identifying isotopic networks of interrelated linguistic markers correlated with the motive in the text. The analysis comes from the idea of motive as a unit of poetic language, which possesses figurative integrity. Mythological characters are isomorphic to the motives that constitute them, and therefore to the gender stereotypes they symbolically represent. In the K. Wolf's novel, the narrative of which consists of characters' inner monologues, an important means of constructing gender is the peculiarities of characters' speech manner, their speech portraits. The analysis of the speech portraits of the female characters of the novel allowed us to identify the patriarchal (Princess Glauke), the radical feminist (Medea's student and rival Agamedea) and the utopian egalitarian gender model (Medea). The article reveals speech markers that represent each of the named models, associated with the main discursive competences — creative (subject factor), receptive (addressee factor) and referential (content factor). Each of the gender models is characterized by the dominance of one of the mentioned competences: the content factor, which represents ideas and opinions brought in from outside (the patriarchal gender model); the factor of the subject, manifested in the marked egocentrism of the speaker (the radical feminist model); the factor of the addressee (the egalitarian utopian model). The deconstruction of the archaic myth, and hence of the patriarchal gender stereotype, receives completion in the construction of a new myth and a new gender stereotype. The utopianism of the new egalitarian gender model reflects the peculiarity of neomythologism as a type of the cultural mentality of the Modern Age.

Keywords: motive, motive analysis, gender, narrative, neomythologism, feminist discourse

В современной науке гендер определяется как социокультурный конструкт, устанавливающий нормы поведения людей в обществе в соответствии с их биологическим полом (Матвиенко 2016; Романов, Ворожко 2017; Holland-Cunz 2021; Koloch 2017 и др.). Гендерная идентификация человека ориентируется на выработанные в обществе гендерные стереотипы и является частью процесса его социализации. Как социокультурный феномен гендер конституируется в процессе речевой деятельности общества: гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная идентификация манифестируются в языке и с его помощью. Одним из основных инструментов конструирования и репрезентации является нарратив как способ преобразования жизненного потока в осмысленные структуры, элементы которых связаны темпоральными и каузальными отношениями и имеют различную значимость (ценность) для индивида и общества. Дискурсивная деятельность общества порождает различные narra-

тивы, которые формируют социальные стереотипы, в том числе гендерные.

Целью настоящей статьи является описание способов нарративного конструирования гендера в художественных текстах, образующих неомифологический дискурс. В качестве ключевого понятия, продиктовавшего логику анализа, в статье выступает категория мотива, а в качестве основного метода используется мотивный анализ.

Со времен А. Н. Веселовского мотив определяется как «образный одночленный схематизм, составляющий основу сюжетов (первоначально — низшей мифологии и сказки)» (Веселовский 2004, 494). Мотив — элементарная, далее неделимая единица художественной семантики.

Образная (семантическая) неделимость мотива не противоречит возможности его логического деления на ядро и периферию. В состав ядра входит функция (действие), оболочку ядра (периферию) образуют аргументы-актанты действия: «Структура мотива может быть

уподоблена структуре предложения (суждения). Мы предлагаем рассматривать мотив как одноактный микросюжет, основой которого является действие. Действие в мотиве является предикатом, от которого зависят аргументы-актанты (агенс, пациенс и т. д.). От предиката зависит их число и характер» (Мелетинский 1983, 117).

Двухчленность логической структуры мотива объясняет такие его свойства, как повторяемость и вариативность: первое обеспечивает ядро как инвариант мотива, второе — его оболочка (варианты и вариации мотива) включает взаимозаменяемые аргументы-актанты. Будучи единицей художественного языка, в конкретных текстах (уровень художественной речи) мотив проявляется в теме, сюжете, системе персонажей, хронотопе, что, собственно, и делает его одним из источников порождения смыслов в художественном тексте. Из сказанного следует, что изучение мотива (мотивный анализ) может рассматриваться как способ декодирования смыслов, внедренных в художественный текст.

Так, на феноуровне (уровне языкового формулирования) мотив выявляется с помощью изотопической сети соотносимых с ним взаимосвязанных маркеров, что говорит о его образной (семантической) целостности. Рассмотрим небольшой фрагмент из детективного романа Фридриха Дюрренматта «Судья и его палач» с целью выявления в нем одного из архетипических мотивов мировой литературы:

Und wie wir nun weiterstritten, von den höllischen Bränden der Schnäpse, die uns der Judenwirt einschenkte, und mehr noch von unserer Jugend verführt, da haben wir im Übermut eine Wette geschlossen, eben da der Mond hinter dem nahen Kleinasien versank, eine Wette, die wir trotz in den Himmel hinein hängten, wie wir etwa einen fürchterlichen Witz nicht unterdrücken vermögen, auch wenn er eine Götterlästerung ist, nur weil uns die Pointe reizt als eine teuflische Versuchung des Geistes durch den Geist (Dürrenmatt 1985, 72).

[И, продолжая спорить, разгоряченные дьявольскими напитками, что подливал нам хозяин, а еще больше нашей молодостью, мы в порыве азарта заключили пари — я помню, именно в это мгновение луна скрылась за Малой Азией, — пари, в свидетели которого мы дерзко призвали небо; иногда мы не можем удержаться от дьявольского искушения сосстрить, даже если знаем, что просто так, ради красного словца, произносим страшное богохульство] (Дюрренматт 1990, 36–37).

В приведенном фрагменте определенно содержится аллюзия на мотивный комплекс неправедного договора человека (в данном слу-

чае — представителя закона, комиссара полиции Берлаха) с inferнальным искусителем (его функцию в романе выполняет некий Гастманн, для которого не существует границ между добром и злом, между преступлением и законом). Этот мотивный комплекс связан в истории литературы и искусства с образом доктора Фауста. На «фаустовский» сюжетный комплекс указывает скопление в рамках одного абзаца лексических единиц, способных вызвать в сознании читателя ассоциации с мотивным комплексом отпадения от миропорядка, реализацией которого является история доктора Фауста: *höllisch, teuflisch, verführen, eine Götterlästerung, eine Versuchung*. Включение этого мотива в повествование как триггера всех последующих действий протагониста (комиссара Берлаха) и его антагониста (Гастманна) превращает тривиальный детективный сюжет в философскую притчу о границах добра и зла, справедливости и законности. Так, «через взаимосцепление определенного набора деталей-намёков» проявляет себя в виде мерцающего подтекста вечный мировой сюжет (Проскурина 1999, 179) и открывает иные перспективы интерпретации повествуемых в романе событий.

Для художественной литературы и для искусства в целом источником тем и сюжетов всегда служили мифологические мотивы. В классическую эпоху они являлись «арсеналом поэтической образности, источником сюжетов, своеобразным формализованным „языком“ искусства» (Мелетинский 1976, 278–279). Новое время с его мировыми войнами, природными катастрофами и социальными катаклизмами породило и новый тип художественной ментальности, получивший название «новая мифология» или «неомифологизм». Новая мифология подвергает деконструкции (или демифологизации) старые мифы, с тем чтобы создать на их основе новый поэтический миф о мире как хаосе (Жеребин 2023, 378). На смену «мироприемлющим» мифам приходят «мифы утопические, отвергающие прошлое и настоящее человечества во имя светлого, идеального будущего, а также мифы пантрагические, тотально пессимистические и нигилистические» (Хализев 2005, 121).

В качестве примера неомифологической деконструкции классического мифа в статье рассматривается роман К. Вольф «Медея. Голоса».

Как видим, в стратегически важную позицию заголовка своего романа писательница помещает имя периферийного (женского) персонажа мифологического цикла об аргонавтах, что дает

основание предположить, что ядро повествования в романе составляет гендерный (феминистский) дискурс, мотивный анализ которого призван показать способы конструирования гендера в художественном тексте.

Образ мифологического персонажа изоморфен мотиву, который по сути его и конституирует: «В сущности, говоря о персонаже, тем самым пришлось бы говорить о мотивах, которые в нем получали стабилизацию; вся морфология персонажа представляет собой морфологию сюжетных мотивов» (Фрейдсберг 1997, 221–222). Имя персонажа является одновременно его характеристикой. Так, имя Медеи традиционно используется для обозначения мстительной и не прощающей обид женщины. В трагедиях Сенеки и Еврипида Медея предстает дикой и неукротимой, а ее преступные поступки объясняются безумной любовью к Ясону. В литературной традиции за именем Медеи закрепляется образ матери-детоубийцы.

Процесс деконструкции мифологемы Медеи в романе Вольф заключается во введении в повествование социально-психологических, психологических, политических и исторических мотивировок, объясняющих действия мифологических персонажей, в то время как в исходных мифах их действия в мотивировке не нуждаются, так как продиктованы божественной волей. Опора на принцип каузальности, исключающей сверхъестественное вмешательство в деяния людей, и означает разрушение мифа.

Так, в мифологическом материале Афродита внушает Медее безумную страсть к предводителю аргонавтов Ясону, из-за которой она помогает тому похитить золотое руно, убивает своего младшего брата Абсирта (в другой версии мифа заманивает брата на корабль, где его убивает Ясон) и сбегает с чужеземцами из родной Колхиды. В романе К. Вольф Медея объясняет свои действия невозможностью оставаться в стране, правитель которой (ее родной отец царь Ээт) для сохранения своей власти использует ложь, интриги, убийства: в частности, не Медея и не Ясон, а именно стареющий Ээт провоцирует своих сторонников на убийство сына Абсирта, в котором видит молодого соперника. Причинно-следственные отношения в следующем выказывании выражаются эксплицитно с помощью соответствующих грамматических средств, лексика дает морально-этическую оценку действиям персонажа:

Ich bin mit Jason gegangen, weil ich in dieser verlorenen, verdorbenen Kolchis nicht bleiben konnte. Es war eine Flucht (Wolf 1996, 104).

[Я уплыла с Ясоном, потому что оставаться в этой обреченной, прогнившей Колхиде больше не могла. Это было бегство] (Вольф 2014, 250).

В данном случае речь идет об отношении Медеи к положению дел в родной Колхиде. Впоследствии оказавшись в Коринфе, Медея разочаровывается в Ясоне, польстившемся на посулы царя Креонта сделать его своим наследником, если он женится на его дочери Главке. В мифологический материал вводится выдуманный автором персонаж, скульптор Ойстрос, который становится возлюбленным Медеи. Так разрушается патриархальный миф о Медее, ведомой желанием мести неверному мужу, неистовая любовь к которому была внушена ей сверхъестественной волей. Устранение этой мотивировки поступков персонажей означает, что они самостоятельно принимают решения, руководствуясь своими чувствами, идеями, желаниями, и совершают действия, которые влияют на ход событий.

Введение в мифологический материал принципа каузальности лишают какого бы то ни было смысла «преступные» поступки Медеи (убийства Абсирта, Главки и собственных сыновей). Манипуляции с мифологическими мотивами, составляющими мифологему Медеи, разрушают «морфологию персонажа». Хотя в романе и используются сюжетные мотивы исходного мифа, их функция в истории кардинально меняется. Целью художественного анализа в романе становятся механизмы манипуляции общественным мнением с целью формирования негативного мифа о главной героине. Автор показывает, как в коринфском обществе зарождаются слухи о Медее, которые приводят к ее коллективному осуждению и изгнанию. Медея Кристи Вольф становится жертвой общественного мнения, она не мстительная детоубийца, а несправедливо поруганная гордая и независимая женщина, которой общество уготовило роль «козла отпущения». Неомифологическая стратегия деконструкции архаического мифа дает писательнице возможность осмыслить механизмы манипулирования общественным мнением, создания, как сказали бы сегодня, фейков, показать, как возникают условия для лишения человека социума и формирования враждебного образа «чужого».

Другой важной задачей повествования в романе является формирование гендерного дискурса, который определяется как «способ символической организации мира в бинарных оппозициях, части которых ассоциируются с мужским и женским полами. Гендерность

представляет собой лингвистически релевантный фактор, который находит многообразные проявления в речевой деятельности носителей языка» (Прокудина 2002, 35).

В романе предлагается три модели гендерной роли, связанные с тремя женскими персонажами (Медея, Главка, Агамеда), «голоса» которых наряду с тремя мужскими «голосами» (Ясон, Акама, Левкон) организуют повествование в романе, состоящее из их одиннадцати внутренних монологов.

Первая гендерная (патриархальная) модель «Женщина-жертва» связана с образом Главки, дочери Креонта, царя Коринфа. Вторую гендерную (радикальную феминистскую) модель «Женщина-воительница» олицетворяет образ колхидянки Агамеды, ученицы и соперницы Медеи. Третья гендерная (утопическая эгалитарная) модель «Женщина-героиня» представлена образом самой Медеи.

Интересно, что К. Вольф еще раньше использует эти модели в своей написанной в 1983 году неомифологической повести «Кассандра», главной героиней которой также является периферийный (женский) персонаж мифа о Троянской войне. Патриархальную гендерную модель в повести воплощает образ Поликсены — дочери Приама, сестры Кассандры, радикальную феминистскую — образ царицы амазонок Пенфесилии, утопическую эгалитарную — образ самой Кассандры.

Если в повести о Кассандре названные гендерные модели конституируются прежде всего в тексте нарратора, передающего действия и речь персонажей, то главным способом конституирования гендера в тексте романа «Медея. Голоса» является речь самих персонажей: повествование складывается из внутренних монологов действующих лиц, которые одновременно выполняют акториальную и нарраториальную функции.

Так, движущей силой внутреннего монолога Главки являются ассоциации, ее речь состоит из длинных синтаксических периодов:

*Kann es eine Schuld geben, die als Strafe die Pest nach sich zieht, ich könnte **Turon** fragen, der mir nicht mehr von der Seite weicht, **Akamas** hat ihn mir als Beschützer beigegeben, er ist so alt wie ich, ein bleicher, unglaublich dünner junger Mann mit hohlen Wangen und langen knochigen Fingern und einem klebrigen Blick, ich muss ihm dankbar sein, wie er sich um mich kümmert, **der König** mache sich Sorgen um mich, hat er mir sagen lassen, Regierungsgeschäfte hindern ihn, persönlich zu mir zu kommen, dass ist selbstverständlich, auch wenn er käme, könnte ich ihm nicht sagen, dass es mir vor den feuchten knochigen Händen des*

***Turon** graust, die er mir gerne auf den Oberarm legt oder auf die Schulter, oder sogar auf die Stirn, um mich zu beruhigen, so sagt er, und dass der Geruch nach fauligem Schweiß, der aus seinen Achseln strömt, mich ekelt, kein anderer Mensch, den ich kenne, riecht so, im Gegenteil, es gibt Menschen, deren Geruch man nicht genug einsaugen kann, aber daran will ich nicht schon wieder denken, nicht schon wieder an **die Frau**, die mir auch die Hand auf die Stirn gelegt hat, nein, ich soll sie vergessen, ich muss sie vergessen, **die mir das anempfehlen**, haben alle recht, besonders **Kreon**, der Vater hat recht, ich muss den Namen dieser Frau aus meiner Erinnerung tilgen...* (Wolf 1996, 139–140).

[Чума. Ох нет, это уж слишком. Какая же это должна быть вина, чтобы повлечь за собой чуму в виде кары, надо бы спросить Турона, который теперь не отходит от меня ни на шаг, Акам его приставил за мной присматривать, он моих примерно лет, бледный, невероятно тощий молодой человек со впалыми щеками, длинными костлявыми пальцами и липким взглядом, я должна быть признательна ему за его неотступную заботу, царь беспокоится обо мне, так и велел передать, государственные дела не отпускают его навесить меня лично, оно и понятно, да и если бы он вдруг пришел, я не смогла бы признаться ему, до чего мне жутко при виде липких костлявых рук Турона, которые он норовит положить мне то на руку, то на плечо, а то и вовсе на лоб, чтобы меня успокоить, так он говорит, и до чего мне омерзительна потная, прелая вонь, шипающая из его подмышек, ни один человек так не пахнет, напротив, бывают люди, чьим запахом невозможно насытиться, но об этом лучше не думать, только не об этой женщине, которая клала мне ладонь на лоб, нет, ее нужно забыть, я обязана ее забыть, нет ее нужно забыть, я обязана ее забыть, все, кто мне так советует, конечно, правы, особенно Креонт, отец прав, я должна вытравить имя этой женщины из своей памяти] (Вольф 2014, 276–277).

Приведенный фрагмент обширного периода из внутреннего монолога Главки строится как поток сознания, в нем используются как сочинительная, так и подчинительная, как союзная, так и бессоюзная связь, что указывает скорее на ассоциативное, чем логическое сцепление элементарных предложений, составляющих синтаксический период. Ассоциации Главки связывают сразу нескольких персонажей романа — Турона, Акамы, Креонта (*der König, der Vater*), Медеи (*die Frau, diese Frau*), приближенных Креонта, дающих Главке советы (*die mir das anempfehlen*), — под влиянием которых она находится. О зависимости Главки от чужих слов и мнений свидетельствуют неоднократные включения косвенной речи других персонажей (выделено подчеркиванием),

средства деонтической модальности (*ich muss ihm dankbar sein; ich muss den Namen dieser Frau aus meiner Erinnerung tilgen*). Обращает на себя внимание переход от модального глагола *sollen*, указывающего на наличие внешней воли, предписывающей субъекту совершение определенного действия, к *müssen*, который выражает объективную необходимость совершения субъектом какого-либо действия (*ich soll sie vergessen, ich muss sie vergessen*). Переход от *sollen* к *müssen* показывает, как внушенная Главке внешняя воля, начинает осознаваться ею как неотложная внутренняя необходимость. Главку терзают страхи и сомнения, она мечется в лабиринте чужих мнений и слов, не находя выхода из него или не решаясь вырваться из-под влияния чужой воли.

Речь Агамеды (персонаж отсутствует в исходном мифе) характеризуется крайним эгоцентризмом, отражением которого является прежде всего высокая частота использования ею эгоцентрической лексики:

Ich habe es geschafft. Ich habe sie blaß werden sehen. Die richtigen Worte kamen mir unverhofft, aber so viele Monate hat mein Hass an ihnen gearbeitet, im richtigen Augenblick waren sie fertig. Medea erbleichte. Ich habe sie die Hände heben sehen, als wollte sie mich anflehen. Natürlich tat sie es nicht, sie suchte sich zu fassen. Sie hätte sich ein Hohnge-lächter eingehandelt. Oder doch nicht? Hätte ich sie durch Großmut noch tiefer beschämt? (Wolf 1996, 73).

[Я добилась своего! Я видела, как она бледнеет! Нужные слова сорвались с губ произвольно, но моя ненависть шлифовала их столько месяцев, что в нужный миг они нашлись сами. Медея побледнела. Я видела, как она вскидывает руки, словно моля меня о пощаде. Разумеется, она и не подумает никого умолять, просто пыталась совладать с собой. В этот миг над нею самой в пору было посмеяться ее издевательским смехом. Или все-таки нет? Может, великодушием я посрамила бы ее еще больше?] (Вольф 2014, 225–226).

Приведенный фрагмент состоит из 73-х лексем, на которые приходится семикратное использование личных и притяжательных местоимений первого лица (*ich, mich, mein*), с учетом личной формы глаголов количество вхождений эгоцентрической лексики повышается до одиннадцати. Таким образом, показатель частотности эгоцентрических слов составляет 10–15%. Эгоцентризм героини характеризует ее неспособность к эмпатии, ее отношение к людям строится на холодном расчете, который проявляется в том числе в ее умении использовать язык для манипулирования собеседником:

Günstig war, dass, was ich dem Akamas zu berichten hatte, der Wahrheit entsprach. Zufällig — das war das einzige unwahre Wort in meinem Bericht, — zufällig hatte ich, beim Königsfest als Betreuerin der Königstochter Glauke weisungsgemäß am Ausgang stehend, unsere Königin Merope den Saal verlassen sehen. Allein. Und hatte dann beobachtet, wie Medea ihr beinah auf dem Fuße gefolgt war (Wolf 1996, 81). [Хорошо еще, что то, о чем мне надлежало поведать Акаму, по крайней мере, соответствовало истине. Совершенно случайно — это было единственное лукавое слово в моем рассказе — во время последнего царского пира, где я в качестве сопровождающей при царевне Главке, как и положено, стояла в дверях, я увидела, как государыня наша, Меропа, выходит из трапезной. Одна. А потом углядела, что следом за ней тенью крадется Медея] (Вольф 2014, 232–233).

В своем желании навредить Медее Агамеда рассказывает главному астроному Коринфа Акаму, как на празднике Медея тайно последовала за царицей Меропой, покинувшей пиршество. Чтобы исключить впечатление о намеренном доносе, Агамеда представляет себя как случайного свидетеля, хотя, как следует из содержания парентезы (*das war das einzige unwahre Wort in meinem Bericht*), слово *zufällig* (случайный), характеризующее способ получения ею компрометирующей Медею информации, не соответствует действительности: она намеренно следила за своей соперницей. Так Агамеда пытается манипулировать одним из грозных царедворцев Коринфа.

Для языковой манеры Медеи (в отличие от Агамеды) существенное значение имеет учет фактора адресата. В своих внутренних монологах она обращается то к матери, то к своему младшему брату Абсирту, то к подруге Лиссе, то к Ясону:

Aber jetzt holt Kolchis mich ein. Deine Knochen, Bruder, habe ich ins Meer geworfen. In unser Schwarzes Meer, das wir liebten und das du, da bin ich sicher, als dein Grab hättest haben wollen. Im Anblick der Schiffe aus Kolchis, die uns verfolgte, und im Angesicht unseres Vaters Aietes stand ich auf dem „Argo“ und warf dich stückweis ins Meer <...> (Wolf 1996, 105). [Но теперь вот Колхида сама меня настигла. Твои косточки, братик, я бросила в море. В наше Черное море, которое мы так любили и которое ты, я уверена, хотел избрать своей могилой. Глядя на корабли колхидцев, что гнались за нами, и перед лицом нашего отца Эета я, стоя на корме «Арго», по кусочкам, по косточкам сбросила тебя в море <...>] (Вольф 2014, 251).

Приведенный фрагмент входит во второй монолог Медеи, говорящий об обстоятельствах

гибели ее младшего брата Абсирта, в которой впоследствии коринфяне ее обвинили. При этом повествование ведется не о третьем, а о втором лице: Медея прямо обращается к мертвому брату (*Bruder*), реляционная структура пропозиции предложений, повествующих о том, как Медея предала его останки во время бегства аргонавтов по Черному морю, образуют формы местоимения второго лица единственного числа *du* (термы) и глаголы во втором лице единственного числа (предикаты). Речь Медеи свидетельствует о ее способности к эмпатии, что в приведенном примере выражают инклюзивные местоимения (включающие говорящего и адресата) *wir* и *unser*, а также высказанное ею предположение, что ее погибший брат хотел бы покоиться в Черном море, которое они так любили (*In unser Schwarzes Meer, das wir liebten und das du, da bin ich sicher, als dein Grab hättest haben wollen*).

В эпиграфе к роману говорится об ахронии (*Achronie*) как принципе сближения (*Nebeneinander*) и взаимопроникновения (*Ineinander*) разных исторических эпох. Стало быть, гендерные стереотипы архаического общества, по замыслу автора, могут быть спроецированы на современные социальные практики. Патриархально-маскулинным сознанием для К. Вольф было наделено не только архаичное, но и современное тоталитарное общество. Медея как «бросающая вызов женщина» олицетворяет анти тоталитарные общественные тенденции, которые, однако, осознаются автором как социальная утопия.

Выводы

Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе представляет собой составляющую общей стратегии деконструкции архаичного мифа. Основным принципом этой стратегии является установление причинно-следственных связей между намерениями и поступками персонажей. Божественное провидение «как оправдание какого-нибудь фактора со стороны всех остальных» (Тынянов 1977, 33) заменяется на действие социальных и психологических факторов, мотивирующих по-

вестуемые события. Эти факторы мотивируют в том числе и гендерные модели, символической репрезентацией которых являются действующие лица. В романе «Медея. Голоса», композиция которого состоит из внутренних монологов («голосов») шести персонажей, репрезентацией гендерных моделей являются особенности их речевых портретов, содержащие психологическую самохарактеристику. Речевые маркеры, репрезентирующие каждую из них, соотносятся с основными дискурсивными компетенциями — креативной (фактор субъекта), рецептивной (фактор адресата) и референтной (фактор контента) (Тюпа 2007). При этом каждая характеризуется доминированием одной из названных компетенций. Доминантой патриархальной гендерной модели является фактор контента, репрезентирующего привносимые извне в сознание персонажа идеи и мнения. В радикальной феминистской модели доминирует фактор субъекта, проявляющийся в ярко выраженном эгоцентризме говорящего, в то время как в эгалитарной утопической модели доминирует фактор адресата.

Миф о Медее, как его рассказала К. Вольф, разрушает патриархальный гендерный стереотип, сложившийся в древней мифологии, согласно которому героини являются субъектами действия, в то время как героям отводится роль средства для достижения чужих целей. Однако эгалитарная гендерная модель как сконструированный новый миф о Медее оказывается утопической: Медею делают ответственной за несчастья Коринфа, ложно обвиняют в убийстве собственных сыновей и изгоняют сначала из царского дворца, а затем из Коринфа. К образу Медеи, без сомнения, можно отнести высказывание автора относительно другой ее героини Кассандры: «Кассандра представляет собой один из первых дошедших до нас женских образов, который воплотил судьбу, ставшую потом уделом женщин на три тысячелетия: их обращение в объект» (ср.: «*In Cassandra ist eine der ersten Frauengestalten überliefert, deren Schicksal vorformt, was dann, dreitausend Jahre lang, den Frauen geschehen soll: dass sie zum Objekt gemacht werden*» (Wolf 1988, 115)).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Вольф, Кр. (2014) *Кассандра. Медея*. Пер. с нем. М. Л. Рудницкого. М.: АСТ, 349 с.
- Дюрренматт, Ф. (1990) *Судья и палач*. Пер. с нем. С. Белокрыницкой. М.: Прогресс, 63 с.
- Dürrenmatt, F. (1985) *Der Richter und sein Henker. Der Verdacht. Die zwei Kriminalromane um Kommissär Bärlach*. Zürich: Diogenes Verlag, 265 S.
- Wolf, Chr. (1996) *Medea. Stimmen*. München: Luchterhand Verlag, 235 S.

Литература

- Веселовский, А. Н. (2004) *Историческая поэтика*. 2-е изд. М.: УРСС, 646 с.
- Жеребин, А. И. (2023) *Место встречи — утопия: из истории литературных отношений России, Германии, Австрии*. СПб.: Владимир Даль, 421 с.
- Матвиенко, В. В. (2016) Гендер как социокультурный феномен. *Общество: социология, психология, педагогика*, № 10, с. 14–16.
- Мелетинский, Е. М. (1976) *Поэтика мифа*. М.: Наука, 407 с.
- Мелетинский, Е. М. (1983) Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов. В кн.: *Труды по знаковым системам. Т. XVI*. Тарту: Тартуский государственный университет, с. 115–125.
- Прокудина, О. Н. (2002) *Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности: на материале русской и английской диалогической речи. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук*. Кемерово, КемГУ, 209 с.
- Проскурина, Е. Н. (1999) Мотивный комплекс сюжета о договоре с дьяволом в структуре повести А. Платонова «Котлован». В кн.: Т. И. Печерская (ред.). *Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 3*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, с. 179–197.
- Романов, А. С., Ворожко, К. Д. (2017) Гендерный стереотип как феномен социокультурного порядка. В кн.: *Научные исследования: теория, методика и практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Т. 1*. Чебоксары: Интерактив плюс, с. 369–372.
- Тынянов, Ю. М. (1977) *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 574 с.
- Тюпа, В. И. (2007) Коммуникационные стратегии в гуманитарном знании. В кн.: *Коммуникационные стратегии культуры и гуманитарные технологии*. СПб.: Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3392/3393> (дата обращения 10.08.2023).
- Фрейденберг, О. М. (1997) *Поэтика сюжета и жанра*. М.: Лабиринт, 448 с.
- Хализев, В. Е. (2005) *Теория литературы*. 4-е изд. М.: Высшая школа, 404 с.
- Holland-Cunz, B. (2021) Geschlecht (sex and gender). In: Th. Kirchhoff (ed.). *Online encyclopedia philosophy of nature / Online lexikon naturphilosophie*. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.11588/oepn.2021.2.85090> (accessed 10.08.2023).
- Koloch, S. (2017) *Wissenschaft, Geschlecht, Gender, Terminologiearbeit. Die Deutsche Literaturwissenschaft*. München: epodium Publ. [Online]. Available at: <https://kurl.ru/GTDp> (accessed 10.08.2023).
- Wolf, Chr. (1988) *Kassandra: Vier Vorlesungen. Eine Erzählung*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 357 S.

Sources

- Dürrenmatt, F. (1985) *Der Richter und sein Henker. Der Verdacht. Die zwei Kriminalromane um Kommissär Bärlach [The Inspector Barlach Mysteries: The Judge and his Hangman and Suspicion. Two detective novels]*. Zürich: Diogenes Verlag, 265 S. (In German)
- Dürrenmatt, F. (1990) *Sud'ya i palach [The Judge and Gangman]*. Translated from German by S. Belokrinickaja. Moscow: Progress Publ., 63 s. (In Russian)
- Wolf, Chr. (1996) *Medea. Stimmen [Medea. Voices]*. München: Luchterhand Verlag, 235 S. (In German)
- Wolf, Chr. (2014) *Kassandra. Medea [Kassandra. Medea]*. Translated from German by M. L. Rudnicki. Moscow: AST Publ., 349 s. (In Russian)

References

- Frejdenberg, O. M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of plot and genre]*. Moscow: Labirint Publ., 448 p. (In Russian)
- Holland-Cunz, B. (2021) Geschlecht (sex and gender). In: Th. Kirchhoff (ed.). *Online encyclopedia philosophy of nature / Online lexikon naturphilosophie*. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.11588/oepn.2021.2.85090> (accessed 10.08.2023). (In German)
- Khalizev, V. E. (2005) *Teoriya literatury [Literary theory]*. 4th ed. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 404 p. (In Russian)

- Koloch, S. (2017) *Wissenschaft, Geschlecht, Gender, Terminologiarbeit. Die Deutsche Literaturwissenschaft [Science, sex, gender, terminology work. German literary studies]*. München: epodium Publ. [Online]. Available at: <https://kurl.ru/GTDP> (accessed 10.08.2023). (In German)
- Matvienko, V. V. (2016) Gender kak sotsiokul'turnyj fenomen [Gender as a sociocultural phenomenon]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika — Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 10, pp. 14–16. (In Russian)
- Meletinskij, E. M. (1976) *Poetika mifa [The poetics of myth]*. Moscow: Nauka Publ., 407 p. (In Russian)
- Meletinskij, E. M. (1983) Semanticheskaya organizatsiya mifologicheskogo povestvovaniya i problema sozdaniya semioticheskogo ukazatelya motivov i syuzhetov [Semantic organization of mythological narrative and the problem of creating a semiotic index of motives and plots]. In: *Trudy po znakovym sistemam. T. XVI [Sign Systems Studies. Vol. XVI]*. Tartu: University of Tartu Publ., pp. 115–125. (In Russian)
- Prokudina, O. N. (2002) *Gendernyj diskurs-analiz rechevykh strategij zhenskoj yazykovoj lichnosti: na materiale russkoj i anglijskoj dialogicheskoy rechi [Gender discourse-analysis of speech strategies of female linguistic personality: On the material of Russian and English dialogic speech]*. PhD dissertation (Philology). Kemerovo, Kemerovo State University, 209 p. (In Russian)
- Proskurina, E. N. (1999) Motivnyj kompleks syuzheta o dogovore s d'yavolom v strukture povesti A. Platonova "Kotlovan" [Motive complex of the plot about the contract with the devil in the structure of A. Platonov's story "Kotlovan"]. In: T. I. Pecherskaya (ed.). *Materialy k slovarju syuzhetov i motivov russkoj literatury. Vyp. 3 [Materials for the dictionary of plots and motifs of Russian literature. Iss. 3]*. Novosibirsk: Siberian Branch RAS Publ., pp. 179–197. (In Russian)
- Romanov, A. S., Vorozhko, K. D. (2017) Gendernyj stereotip kak fenomen sotsiokul'turnogo poryadka [Gender stereotype as a phenomenon of socio-cultural order]. In: *Nauchnye issledovaniya: teoriya metodika i praktika. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. T. 1 [Scientific research: Theory, methodology and practice. Collection of materials of the International scientific and practical conference. Vol. 1]*. Cheboksary: Interactive plus Publ., pp. 369–372. (In Russian)
- Tynyanov, Yu. M. (1977) *Poetika. Istorija literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]*. Moscow: Nauka Publ., 574 p. (In Russian)
- Tyupa, V. I. (2007) Kommunikatsionnye strategii v gumanitarnom znanii [Communication strategies in the humanities]. In: *Kommunikatsionnye strategii kul'tury i gumanitarnye tekhnologii [Communication strategies of culture and humanitarian technologies]*. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh tekhnologij Publ. [Online]. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3392/3393> (accessed 10.08.2023). (In Russian)
- Veselovskij, A. N. (2004) *Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]*. 2nd ed. Moscow: URSS Publ., 646 p. (In Russian)
- Wolf, Chr. (1988) *Kassandra: Vier Vorlesungen. Eine Erzählung [Cassandra: Four Lectures. One Story]*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 357 p. (In German)
- Zherebin, A. I. (2023) *Mesto vstrechi — utopiya: iz istorii literaturnykh otnoshenij Rossii, Germanii, Avstrii [Meeting place — Utopia: From the history of literary relations between Russia, Germany and Austria]*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 421 p. (In Russian)

УДК 81'373.45

EDN TCVZAL

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-13-19>

Myth and fact in Russia-centered discourse: The case of (non-)fictional Shostakovich

E. V. Beloglazova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Elena V. Beloglazova,
SPIN: 4851-1850,
Scopus AuthorID: 57202383153,
ORCID: 0000-0002-0267-9614,
e-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

For citation: Beloglazova, E. V. (2023) Myth and fact in Russia-centered discourse: The case of (non-)fictional Shostakovich. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 13–19. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-13-19> EDN TCVZAL

Received 1 June 2023; reviewed 24 July 2023; accepted 25 July 2023.

Funding: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

Copyright: © E. V. Beloglazova (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The starting point for the research was the observation of an increased attention to the figure of D. Shostakovich, who about the turn of the century appeared to become a milestone of the English-language Russia-centered discourse. This raised the questions of the specific nature of the English-language Russia-centered discourse, as well as the place D. Shostakovich holds in it and the transformation of the composer's image within this discourse' cognitive map. Methodologically, the research relies upon a combination of traditional in-depth stylistic, literary and linguaculturological analyses, on the one hand, and quantitative corpus methods, on the other hand. The research allowed to ascertain that the Russianism “Shostakovich” is usually employed for the sake of characterizing the character as either relating to intellectual elite or to Russians; or of introducing a motif, in particular the motif of Petersburg. The paper posits that applying a language to describing an external culture is, in fact, like translating this culture into the language of description. And translating culture is by necessity always selective — it is based on describing carefully selected milestones. One of such milestones in Russian culture translation is the concept of Petersburg, while Shostakovich is a milestone on which the concept of Petersburg is built. Both concepts are based on an intricate interweaving of fact and myth; the distortion being the result of an attempt at interpreting the external culture in understandable terms.

Keywords: linguaculture, xenonym, interlinguaculturology, cultural translation, Russia-centered discourse

Introduction

“Music is the universal language of nature”, said H. W. Longfellow (Longfellow 1835, 4), “but it is spoken with all sorts of accents”, continued G. B. Shaw (Shaw 1949, 92). For centuries Russia and the Russian culture have been the source of puzzlement and the object of study, with music often the selected prism, offering a seemingly comprehensible code.

Towards the end of the 20th century a noticeable emphasis appears to be placed on the figure of Dmitry Shostakovich. And this goes somewhat contrary to the established canon of the Russia-centered discourse, where one is much more likely to encounter mention of another distinguished composer — Sergey Prokofiev. Thus, the composition

“Russians” (1985) by world famous performer Sting features music from S. Prokofiev's *Lieutenant Kijé*, op. 60; the composition “Party like a Russian” (2016) by R. Williams features music from S. Prokofiev's *Romeo and Juliet*, op. 64. The list of cultural realia constituting cultural literacy, suggested by E. D. Hirsch with the subtitle “what every American needs to know” includes the name “Sergei Prokofiev” (Hirsch 1988, 198), making no mention of Dmitry Shostakovich. The list of realia comprising the cultural literacy is expanded by E. D. Hirsch in *The Dictionary of Cultural Literacy* (Hirsch et al. 1988), but no other Russian composers get added.

Yet, the figure of Shostakovich has been in the recent decades promoted to the core of the concept of RUSSIA. One of indicators of this is a more than 6-fold increase in the frequency of Shostakovich'

mention (from 7 in 1990-ies to 43 in 2000-ies) (COHA). There's also a surge in large-scale publications dedicated to the composer, in both non-fiction (e. g. Johnson 2019; Moynahan 2014) and fiction genres (*The Noise of Time* by J. Barnes; *Europe Central* by W. Vollmann, *A Tea with Shostakovich* by F. Tramontano, etc.).

The present paper is an attempt at rationalizing the reasons for this focused attention on Dmitry Shostakovich in the modern Russia-centered discourse. In particular, we shall pose the following research questions:

- What is peculiar of the Russia-centered discourse? What features constitute it? What is its semiotic nature?
- What is the place of the SHOSTAKOVICH slot in the cognitive map of the Russia-centered discourse?
- How is the concept of SHOSTAKOVICH transformed in the Russia-centered discourse?

Theoretical and methodological framework

The research foundation includes a series of theoretical assumptions developed within different branches of linguistics. Without going too deep into theory, lest we stray away from the point of this paper, let us briefly outline the basic principles and approaches underlying our research.

Firstly, in describing the Russia-centered discourse we find ourselves dealing with the language of secondary cultural orientation, the object and domain of *interlinguaculturology* (Kabakchi 2012). The study of language of secondary cultural orientation rests upon the fundamental notion of *functional dualism*, postulating that any language can be applied to any culture, however distant they might be. Yet, this reorientation towards an external culture requires that the language be enriched with specific means to make it adequate to the task — verbalisations of the external culture, *xenonyms* (Beloglazova, Kabakchi 2018, 50).

Secondly, introducing elements of the external linguaculture (*source culture*) to the language of description (*target language*) one employs traditional translation techniques. This leads us to the conclusion that we are dealing with a specific kind (or mode) of translation — *translation of culture*, or *cultural translation*. One might argue that culture is always present in translation, and especially so in literary translation. H. Trivedi observes that literary texts are constituted not of language, but in fact of culture, language being a mere vehicle of the culture (Trivedi 2007). Yet, in cultural translation we are indeed dealing with a particular mode

of translation, which is not about recreation of a source text into a target text (Bode 2008), since there is no source text, the source being the culture described. This kind of translation differs from the traditional one in that it lacks the textual constraint — it does not have to follow the structure and style of the original. Thus, of the translation universals listed by S. Laviosa-Braithwaite, we are hardly to expect any serious traces of:

- simplification, on the contrary, the text of the cultural translation will be complicated by xenonymic elements;
- avoidance of repetitions present in the source text, since there is no source text with its repetitions,
- discourse transfer, for the same reason as stated above (Laviosa-Braithwaite 2001).

Thirdly, since translating culture is inevitably selective, it being impossible to translate any culture in its totality, it relies on certain key fields and concepts. One of such key concepts of Russia-centered discourse is PETERSBURG. This is quite consistent with what Vladimir N. Toporov writes about Russia's attempting to perceive its intrinsic essence through the prism of the Petersburg phenomenon, which resulted in a vast corpus of writing, termed by the researcher "the Petersburg text" (Toporov 2003). At that, authoring one of these far from required the status of Petersburg citizen; on the contrary, the main contributors appear to be non-Petersburgians. To this we can now safely add non-Russian authors of Petersburg texts written as part of Russia-centered discourse of secondary cultural orientation.

Petersburg has been seen as the key to understanding Russia due to its contradictoriness and liminality, a whole network of contrasts and conflicts: (1) "Petersburg is the center of evil and crime, where suffering has exceeded all measure and left an imprint on the popular consciousness; Petersburg is an abyss, the "other" kingdom, the death, but at the same time Petersburg is the very place where the national self-consciousness and self-reflection reached the limit, beyond which opened new horizons of life, where Russian culture celebrated the best of its triumphs irreversibly changing the Russian people" (Toporov 2003, 8); (2) "one pole is recognizing Petersburg as the only true (civilized, cultured, European, exemplary, even ideal) city of Russia; the other pole is acknowledging that nowhere does one feel worse than in Petersburg, the anathematic defamations, appeals to escape and denounce Petersburg" (Toporov 2003, 9). The list can be easily continued as beauty vs. bleakness; freedom of a genius' thought vs. authorities repressions; culture, aestheticism, *intelligentsiya* vs. gory history.

Another conflict, relevant for the present research focusing on intercultural dialogue is framed by A. Skidan: being one of the youngest cities of Russia, from the very beginning Petersburg was founded as a reminiscence — a recollection of different places (sometimes Venice, sometimes Amsterdam, sometimes Paris) and different epochs, all fragmentary, elusive and incohesive (Skidan 2001). So, Petersburg itself is, in a way, a result of cultural translation.

Fourthly, dealing largely with literary texts, we need to resort to theory of literature, establishing a direct connection between characters drawn and themes raised by the author. Thus B. V. Tomashevsky observes that it is common for writers to draw characters personifying the needed motifs (Tomashevsky 1996, 199), which allows us to analyze the figure of Shostakovich in the Russia-centered discourse as a means of introducing certain motifs and not an end in itself.

The research methodology combines several approaches.

The core of it is comprised by the method of interlinguaculturological analysis, developed and implemented by professor V. V. Kabakchi (Kabakchi 2007). It can be described as a variation of the comparative method, based on the following algorithm: 1) selecting authentic representatives of the secondary cultural orientation discourse; 2) textual analysis aimed at identifying elements of external linguacultural context (xenonyms); 3) comparative analysis of the identified xenonyms with their prototypes in the source linguaculture, aimed at identifying the means of introducing the xenonyms into the language of narration, coupled with their semantic and stylistic analysis, aimed at establishing correlations between their form, meaning and function; 4) discursive analysis, aimed at identifying the strategies of secondary cultural orientation discourse.

Analyzing literary texts involves elements of literary analysis aimed at identifying motifs associated with the character of Shostakovich.

Traditional methods of linguistic analysis are complemented with the methods of corpus linguistics, employed as “reliable tools of verifying hypotheses, overcoming the subjectivity of intuition driven qualitative analytical methods” (Ilyinova, Kochetova 2017, 48–49). Apart from statistical data, corpus is invaluable for establishing actual meaning of language units (Golubkova 2012, 96), as well as to identify and analyze constructions and collocations (Golubkova, Bukhanova 2022). Corpus methods have proven efficient in discourse analysis (Ilyinova, Kochetova 2017; Kolokol'nikova 2010), in particular in analyzing Russian-culture-oriented discourse (Beloglazova, Genidze 2022; Beloglazova, Kabakchi 2018).

Within the corpus approach we address large reference corpora of English: the Corpus of Contemporary American English and the Corpus of Historical American English. We also apply the corpus analysis tools to the literary texts under study, extracting wordlist and keywords to complement the literary analysis.

Results and discussion

Russia-centered discourse is comprised by texts aimed at describing various aspects of Russia and the Russians, so, ultimately it is a way of interpreting the concept of RUSSIANNES, or, in other words, translating the Russian culture. This involves:

- Selecting the aspects and elements fit to serve as representatives of the Russian culture, or slots of the concept RUSSIANNES. Since, understandably, any description of such a complex object is doomed to be incomplete, it must rest on carefully selected representants;
- Finding or providing in the target language means to adequately render these source culture representants.

It appears that Russian classical music is the domain that has been steadily feeding such representants, one of them being the figure of Dmitry Shostakovich. Shostakovich, a renowned Russian (Soviet) composer, is already part of the world culture, routinely mentioned outside the Russia-centered discourse, which makes it a kind of interdiscursive link. Yet, whenever the name of Shostakovich gets dropped, some aspect of RUSSIANNES automatically emerges against the cognitive horizon. In order to better understand the rationale behind the growing prominence of the composer we addressed the Corpus of Contemporary American English (COCA), from which eliminated the occurrences of “Shostakovich” in informative genres, and focused on literary texts, the selection comprising 33 out of 422 occurrences. The main reasons for introducing the name are three.

Firstly, to position a character as one of the intellectual elite, a sophisticated and highly cultured person. “Shostakovich” is used to imply difficult and culturally distant, if not to say alien, music. Consider the following occurrence, attributed by the Corpus to E. Mitchell's *Three Marriages*:

E. g. 1: I have been to Chicago several times to perform. I used to play the violin in the symphony in Oslo and we went on a number of tours in the United States. [...] A few years ago, I left musical performance so that I could develop and run an organic farm. I thought how hard can that be after learning to play Shostakovich? (COCA)

The character is described as a successful musician, not content with what she does, but eager to develop in other spheres.

The reverse is also true, and a writer can use the image of Shostakovich to portray an unsophisticated character, as in the following occurrence from J. Epstein's *The Philosopher and the Checkout Girl*:

E. g. 2: "Are you enjoying the music?" he asked. "I've had worse times at the dentist", she said. [...] Salzman decided not to put her through the torture of the final item on the program, a string quartet by Shostakovich" (COCA).

Having received the girl's answer that the music is not as bad as her experience at the dentist, the character realizes that the entertainment program needs to be revised so as to exclude the daunting "Shostakovich".

Secondly, the mention of "Shostakovich" has the effect of portraying a character as a Russian. Let us consider a highly symptomatic illustration from E. Lerner's *Energized Conclusion*:

E. g. 3: "Vodka was not helping his mood any more than the Shostakovich symphony that pounded from the stereo" (COCA).

It is noteworthy that "Shostakovich" is found in the same context as "vodka".

V. V. Kabakchi (Kabakchi 2009) observes that vodka is part of the stereotype of Russia, and, it appears, so is Shostakovich.

Finally, "Shostakovich" can be introduced in the text as a character in his own right, justified by a motif associated with him. To identify these motifs, we addressed two novels featuring the character of Dmitry Shostakovich — J. Barnes's *The Noise of Time* and, to a lesser degree, W. Vollmann's *Europe Central*, though according to I. Delazari (Delazari 2022) the list can well be expanded owing to a Shostakovich boom in the Anglophone literature.

The first motif to mention is that of Leningrad/Petersburg. Explaining the notion of the Petersburg text, V. N. Toporov states that "Russia has been trying to grasp its own nature in the light of the Petersburg phenomenon" (Toporov 2003, 5). Petersburg is the highlight of Russia, while Shostakovich is the highlight of Petersburg, personification of the most significant conflicts and contradictions that make it the model of Russia. Biography of Shostakovich is a chronicle of the city's history. Thus, J. Barnes writes about Shostakovich in Petersburg, Petrograd, Leningrad, tracing the events that led to renamings and the political changes:

E. g. 4: He lived in Petersburg and wrote about love and flowers and other lofty subjects. ▽ She returned to Moscow; he and Marusya to Petrograd. ▽ They were safe there, and once his mother was out of Leningrad and able to join them he became less anxious. ▽ Some thought this the typical buttoned-up formality of a Leningrader... (Barnes 2016).

Yet, in other instances the reader is led to comprehend that the differences are merely in words, while the essence — the very nature of Petersburg — remains unaffected:

E. g. 5: Petersburg became Petrograd, then Leningrad; it starved and rotted all around her. (Vollmann 2010) ▽ What did a name matter? He had been born in St Petersburg, started growing up in Petrograd, finished growing up in Leningrad. Or St Leninsburg, as he sometimes liked to call it. What did a name matter? (Barnes 2016)

Apart from the name of the city, the text re-traces its key locations: the Big House ▽ Liteiny Prospekt ▽ the Leningrad Maly Theatre ▽ Bolshaya Pushkarskaya Street ▽ the Union of Composers building on Nezhdanova Street ▽ the *Piccadilly* on Nevsky Prospekt, the *Bright Reel* and the *Splendid Palace* ▽ the River Neva...

Yet, names is not the only way of verbalizing the city. V. Toporov's observation that "Petersburg is the center of evil and crime, where suffering has exceeded all measure" (Toporov 2003, 8) permeates the whole novel of J. Barnes and can be seen in the text's keywords, that can be easily correlated with the concepts of:

- END [end, finished, gone, exile, failed, disaster]
- DEATH [died, killed, suicide, blood, murdered, pain, victim]
- GUILT [betrayed, fault, condemned, despised, regret]
- FEAR [terror, threat, afraid, dangerous coward enemies]

The second motif associated with Shostakovich is that of power. Three out of five most frequent words in the novel — "Stalin", "power" and "Soviet" — clearly indicate the importance of the motif in J. Barnes' biofiction (Urusova, Chemodurova 2020). Yet, it is not in keywords only that the motif reveals itself — the author takes great pains to reconstruct the ideological background against which the composer's life is shown, including references to works by Comrade Stalin, such as *Marxism and Questions of Linguistics* and *Economic Problems of Socialism in the USSR*; the newspaper articles that had served as turning points for the life and career of Shostakovich — "Muddle Instead of Music"

(«Сумбур вместо музыки»), “A Soviet Artist’s Creative Reply to Just Criticism” («Деловой творческий ответ советского художника на справедливую критику»); the newspaper which was the very mouthpiece of power (“to buy a copy of *Pravda*”).

The third motif is that of music. It reveals itself in a number of ways.

Firstly, in the names of the musical works by Shostakovich, and not only: “Song of the Counterplan” (stands for the Russian «Песня о встрече»); “Ah, It Is Not You I Love So Passionately”; “Lezginka — Stalin’s favourite dance”; “The Chrysanthemums in the Garden Have Long Since Faded”; “Lady Macbeth of Mtsensk”, and some other.

Secondly, music is shown as the prism through which the character perceives the world:

E. g. 6: Once that nerve was gone, you couldn’t replace it like a violin string. ∇ It was like expecting to be able to write a symphony because you had once read a handbook of composition. ∇ It was as if he was always on the wrong metronome setting. ∇ What could be put up against the noise of time? Only that music which is inside ourselves — the music of our being — which is transformed by some into real music. Which, over the decades, if it is strong and true and pure enough to drown out the noise of time, is transformed into the whisper of history (Barnes 2016).

In Vollman’s novel the idea is similar — that of music blurring with reality:

*E. g. 7: “He rushed after her; he knelt down in the dirty slush and begged. And she took him home with her; she knew he loved her! What was he so afraid of? Between the two of them they’d long since determined the way that the second movement begins, with its haunting Russian melody in a minor key, passages of Rodchenko-like golden scaffolding subsequently connecting it to a merry melody which after a very particular, never to be replicated cello-caress becomes buttery-sweet and brief, because he was on his back and she was astride him, teasing him with the succulent inner lips of her cunt and slowly possessing him, taking orgasm after orgasm. <...> **Returning to the Russian melody, Opus 40 then gives the piano another turn at pleasuring itself, so that a second rocking-horse copulation gallops to a happy ejaculation, at which point the piano sparkles and glows...**” (Vollmann 2010).*

Italicized are segments describing the actual events, characters’ actions, the narration about which, all of a sudden, in the middle of a sentence shifts towards description of music; even more abrupt is mid-word shift back to reality. Thus, the love scene between Shostakovich and Elena Konstantinovskaya is shown as mirrored in Opus 40.

Thirdly, the whole composition of the novel by J. Barnes reminds one of a work of music: its three parts are graphically isolated, metonymically representing a pause; all three open with a repetition: “All he knew was that this was the worst time”, but each time the reiterated sentence is given with some slight graphic modifications as if it were a variation of a theme.

Thus, the character of Shostakovich — the crossing point of three motifs: Petersburg, power and music — is turned into a pillar of textual construct of SOVIET RUSSIA. The pillar is surrounded by very thorough props, including not only the historical and cultural realia (e. g. the Thaw, *Stolichnaya vodka*), but also discursive and cognitive set.

The discursive set is created by means of:

— adages, as in:

E. g. 8: “he lies like an eyewitness, as the saying goes” (Barnes 2016) calquing the Russian «врет как очевидец».

E. g. 9: “A fisherman sees another fisherman from afar, as the saying goes” (Barnes 2016), calquing the Russian «рыбак рыбака видит издалека».

E. g. 10: “So the anonymous analysis by someone who knew as much about music as a pig knows about oranges was decorated with those familiar, vinegar soaked labels” (Barnes 2016) [Russian: «разбираться как свинья в апельсинах»].

E. g. 11: “Russia is the homeland of elephants, as the saying went” (Barnes 2016) [Russian: «Россия — родина слонов»].

E. g. 12: “There is only good vodka and very good vodka — there is no such thing as bad vodka. This was the wisdom from Moscow to Leningrad, from Arkhangelsk to Kuibyshev” (Barnes 2016) [Russian: «водка бывает хорошая и очень хорошая»].

— quotations and allusions:

E. g. 13: “Well, life is not a walk across a field, as the saying goes”. (Barnes 2016) [B. Pasternak’s “Hamlet” «Жизнь прожить — не поле перейти»].

E. g. 14: “Well, ‘Nothing but nonsense in the world’”. (Barnes 2016) [N. Gogol’s «Чепуха совершеннейшая делается на свете»].

*E. g. 15: “Moreover, pontificated Sollertinsky while he and Mitya stood drunkenly pissing into the Neva, consider M. Tsvetaeva’s ‘Poem of the End’, whose language wheels round and round variations of the word *ruchka*, hand. It was the wheeling-around which impressed him, not the *ruchka*” (Vollman 2010).*

E. g. 16: “Akhmatova, who met her briefly, compared her to a church — specifically, to one of the forty times forty churches in Marina Tsvetaeva’s poems” (Vollman 2010).

The cognitive set is the result of recognizably Russian figures of speech and images, creating a Russian cognitive map:

E. g. 17: “Also, there were fewer cats sharpening their claws on his soul” (Barnes 2016). Instead of resorting to English phraseology, the writer introduces the Russian idiom «на душе кошки скребут».

In other instances, the reader gets a glimpse of the Russian mentality through culture-specific metaphors and comparisons:

E. g. 18: “Even the cows standing motionless in the fields looked like advertisements for *condensed milk*” (Barnes 2016).

E. g. 19: “stuff which sounded, well, like the cawing of rooks” (Barnes 2016).

E. g. 20: “Nowadays, people watched football on television. To him, this was *like drinking mineral water instead of Stolichnaya vodka, export strength*” (Barnes 2016).

Thus the text seems to offer a very detailed and trustworthy reconstruction of the external culture being described.

Conclusion

In lieu of conclusion I would like to quote some readers’ comments from a bookstore forum:

- “The Soviet atmosphere is rendered very precisely”
- “Nice that there’s no cranberry, the Stalinist realia are described expertly”

Both reviewers compliment the quality of the set. On the other hand, there are less complimentary opinions, e. g.:

- “Barnes’ Shostakovich drinks too much. <...> Think what you might, but as to me, I don’t believe...”

List of Abbreviations

COCA — Corpus of Contemporary American English

COHA — Corpus of Historical American English

Sources

Barnes, J. (2016) *The Noise of Time*. London: Random House UK Publ. [Online]. Available at: https://royallib.com/book/Barnes_Julian/the_noise_of_time.html (accessed 20.05.2023). (In English)

Corpus of Contemporary American English. (2023) [Online]. Available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 20.05.2023). (In English)

Corpus of Historical American English. (2023) [Online]. Available at: <https://www.english-corpora.org/coha/> (accessed 20.05.2023). (In English)

Vollmann, W. (2010) *Europe Central*. New York: Viking Publ. [Online]. Available at: https://royallib.com/book/Vollmann_William/europe_central.html (accessed 20.05.2023). (In English)

References

Beloglazova, E. V., Genidze, N. K. (2022) Stereotipnoe i tvorcheskoe v zagolovkakh Rossica: korpusnoe issledovanie [Convention and creativity in the Rossica titles: A corpus based research]. *Izvestiya Vostochnogo instituta — Oriental Institute Journal*, no. 4 (56), pp. 104–113. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4> (In Russian)

The reviewer is skeptical about the facts narrated in the novel.

However different, the quoted reviews appeal to the same aspect of the texts under discussion: the way they translate the Russian culture, mixing and merging fact and stereotype, history and myth. The props are so good, the translation so precise, that the reader forgets that they are dealing with fiction.

At that, both Barnes and Vollman admit of writing fictional novels, that is setting their creative imagination free, and of using S. Volkov’s rather unreliable “Testament” as the source of Shostakovich’ biography. That means we read fiction based on fiction — fiction squared, but in the post-truth world it is this fiction that becomes the new reality, how Shostakovich and Russia in general are perceived by the mass audience.

Fictionalized Shostakovich and Petersburg are, largely, stereotypical and even mythical. Yet, this, conceptual distortion is not the result of evil will to misrepresent the alien culture, but rather of a will to comprehend it, relying on familiar and understandable terms and notions.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Acknowledgements

I would like to express my sincere gratitude to my advisor musicologist Natalia Niemi for her invaluable guidance and support throughout the research process.

- Beloglazova, E. V., Kabakchi, V. V. (2018) Diskurs angloyazychnogo opisaniya russkoj kul'tury: perspektivy korpusnogo issledovaniya [Russian-culture-oriented discourse of English: prospects of corpus research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie — Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 17, no. 3, pp. 49–59. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.5> (In Russian)
- Bode, J. (2008) Translation: The (re-)creation of a source text into a target text. *Outside the Box: The Tsukuba MultiLingual Forum*, vol. 1, pp. 14–18. (In English)
- Golubkova, E. E. (2012) Diskursivnaya sostavlyashchaya v issledovaniyakh po kognitivnoj semantike [Discursive component in the research of cognitive semantics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta — Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 638, pp. 90–98. (In Russian)
- Golubkova, E. E., Bukhanova, A. A. (2022) Metafora i metonimiya v semantike konstruktivnoj YONYM of the Middle Ages [Metaphor and metonymy in the YONYM of the Middle Ages construction]. In: N. N. Boldyrev (ed.). *Kognitivnye issledovaniya yazyka: Kognitivnaya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Vyp. 2 (49) [Cognitive studies of language: Cognitive linguistics and intercultural communication. Iss. 2 (49)]*. Tambov: Derzhavinskij Publ., pp. 113–117. (In Russian)
- Delazari, I. (2022) Shostakovich po-anglijski: motivy s chuzhikh slov [Shostakovich in anglophone novels: Motifs from hearsay]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (174), pp. 224–240. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_174_2_224 (In Russian)
- Ilyinova, E. Yu., Kochetova, L. A. (2017) Dinamika reprezentatsii protsessual'noj sostavlyayushchej sportivnogo sobytiya v diakhronicheskom korpusе [Dynamics of process constituent representation of sports event in diachronic corpus]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie — Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 16, no. 2, pp. 47–57. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.5> (In Russian)
- Johnson, S. (2019) *How Shostakovich changed my mind*. New York: New York Review Books Publ., 176 p. (In English)
- Hirsch, E. D. Jr. (1988) *Cultural literacy: What every American needs to know*. New York: Vintage Books Publ., 272 p. (In English)
- Hirsch, E. D. Jr., Kett, J. F., Trefil, J. S. (1988) *The dictionary of cultural literacy*. Boston: Houghton Mifflin Publ., 586 p. (In English)
- Kabakchi, V. V. (2007) Leksikograficheskij monitoring angloyazychnogo slovarya ksenonimov-rusizmov [Lexicographic monitoring of the English lexicon of Russianisms]. In: *Problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Vyp. 7 [Issues of philology and foreign languages teaching methodology. Iss. 7]*. Pskov: Pskov State Pedagogical University Publ., pp. 30–45. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2009) Nam ne dano predugadat' [We cannot foresee]. In: *Uchenye zapiski. T. 14. Sovremennye problemy filologii, mezhkul'turnoj kommunikatsii i perevoda [Scholarly Notes. Vol. 14: Modern problems of philology, intercultural communication and translation]*. Saint-Petersburg: Saint Petersburg Institute of International Economic Relations, Economics and Law Publ.; Znanie Publ., pp. 5–16. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2012) Formation of Russian-culture-orientated English. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 5 (6), pp. 812–822. (In English)
- Kolokol'nikova, M. Yu. (2010) Diskurs-analiz i korpusnyj analiz v issledovaniyakh v oblasti istoricheskoy leksikologii [Discourse analysis and corpus analysis in historical lexicology]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika" — Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, vol. 10, no. 2, pp. 3–6. (In Russian)
- Laviosa-Braithwaite, S. (2001) Universals of translation. In: M. Baker (ed.). *Routledge encyclopedia of translation studies*. London; New York: Routledge Publ., pp. 288–291. (In English)
- Longfellow, H. W. (1835) *Outre-mer: A pilgrimage beyond the sea. Vol. 2*. New York: Harper Publ., 252 p. (In English)
- Moynahan, B. (2014) *Leningrad: Siege and symphony: The story of the great city terrorized by Stalin, starved by Hitler, immortalized by Shostakovich*. London: Quercus Publ., 496 p. (In English)
- Shaw, B. (1949) *Music in London 1890–94. Vol. 1*. London: Constable and Company Publ., 302 p. (In English)
- Skidan, A. (2001) O pol'ze i vrede Peterburga dlya zhizni [On the benefit and harm of Petersburg to life]. In: *Soprotivlenie poezii [Resistance to poetry]*. Saint Petersburg: Borey Art Center Publ., pp. 161–176. (In Russian)
- Toporov, V. N. (2003) *Peterburgskij tekst russkoj literatury: izbrannye trudy [The Petersburg text of Russian literature: Selected works]*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB Publ., 616 p. (In Russian)
- Tomashevsky, B. N. (1996) *Teoriya literatury. Poetika [Theory of literature. Poetics]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 334 p. (In Russian)
- Trivedi, H. (2007) Translating culture vs Cultural translation. In: P. St-Pierre, P. C. Kar (eds.). *Translation — reflections, refractions, transformation*. Philadelphia: John Benjamins Publ., pp. 277–287. <https://doi.org/10.1075/btl.71.27tri> (In English)
- Urusova, N. A., Chemodurova, Z. M. (2020) Lingvokul'turologicheskie osobennosti romana Dzh. Barnsa "Shum vremeni" [Linguocultural characteristics of Julian Barnes' "The Noise of Time"]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie — Language Studies and Modern Humanities*, vol. 2, no. 2, pp. 81–92. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2020-2-2-81-92> (In Russian)

Check for updates

Лингвистика и междисциплинарные
исследования языка

УДК 811.112.2

EDN QABTFY

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-20-27>

Категория перцептивности в верификации научной информации (на материале международных англоязычных научных докладов)

Е. В. Комлева ¹

¹Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

Сведения об авторе

Елена Валерьевна Комлева,
SPIN-код: 7017-5375,
ResearcherID: GYU-4914-2022,
ORCID: 0009-0001-4290-9293,
e-mail: elena.v.komleva@gmail.com

Для цитирования: Комлева, Е. В. (2023) Категория перцептивности в верификации научной информации (на материале международных англоязычных научных докладов). *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 1, с. 20–27. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-20-27> EDN QABTFY

Получена 2 июня 2023; прошла рецензирование 11 августа 2023; принята 22 августа 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. В. Комлева (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. На материале англоязычных международных научных докладов, опубликованных в сборниках материалов конференций и симпозиумов рассматривается роль категории перцептивности в верификации предъявляемых научному сообществу результатов научных исследований в рамках кросскультурного научного общения. Перцепция понимается как сложный психофизиологический процесс, направленный не просто на распознавание объектов, но и включающий в себя фазы восприятия, осознания, понимания, реакции перцептора на воспринимаемое, что позволяет отличать перцепцию от простого восприятия окружающего мира через органы чувств. Восприятие, осознание, понимание, реакция перцептора на воспринимаемое как составляющие психофизиологического процесса перцепции выражаются в тексте разноуровневыми языковыми средствами. Объединение разноуровневых языковых средств на основе общности передаваемой семантической функции восприятия человеком внешнего мира в концепции функциональной грамматики трактуется как функционально-семантическая категория. Восприятие фрагментов действительности автором-перцептором в анализируемых текстах соотносится с параметрами дейктической речевой ситуации: «Я — Здесь — Сейчас фиксирую происходящее». Грамматической доминантой научного англоязычного текста является настоящее время действительного залога *Present Simple*, передающее варианты реализации категории перцептивности. Достоверность научной информации обусловлена ответственностью автора-перцептора, сообщающего о результатах своего наблюдения за определенными явлениями научной картины мира. При этом автор-перцептор как источник предъявляемой информации не всегда эксплицитно маркирован в научном тексте, что приводит к образованию перцептивной парадигмы, члены которой указывают в тексте на непосредственное участие автора в получении научных результатов или на его роль в качестве стороннего наблюдателя за течением научных процессов. Образование перцептивной парадигмы вызвано совокупностью экстралингвистических факторов, релевантных для кросскультурной научной коммуникации, участниками которой являются представители разных культурных традиций, научных школ. Убеждая иноязычного адресата в верификации полученных научных результатов с помощью доказательных аргументов, принятых в научной сфере общения, автор решает дополнительную прагматическую задачу выбора баланса между аргументированием с помощью собственных результатов исследования и аргументированием с опорой на существующий международный опыт в виде отсылок к уже имеющимся знаниям.

Ключевые слова: кросскультурное общение, перцепция, научный текст, аргументативная речевая стратегия, функционально-семантическая категория

The category of perceptivity in the verification of scientific information (on the material of international English-language scientific reports)

E. V. Komleva ¹

¹ Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya Str., Orenburg 460014, Russia

Author

Elena V. Komleva,
SPIN: 7017-5375,
ResearcherID: GYU-4914-2022,
ORCID: 0009-0001-4290-9293,
e-mail: elena.v.komleva@gmail.com

For citation: Komleva, E. V. (2023) The category of perceptivity in the verification of scientific information (on the material of international English-language scientific reports). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 20–27. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-20-27> EDN QABTFY

Received 2 June 2023; reviewed 11 August 2023; accepted 22 August 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. V. Komleva (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) License 4.0.

Abstract. The role of the category of perceptivity in verifying the results of scientific research presented to the scientific community within the framework of cross-cultural scientific communication is considered on the material of English-language international scientific publications. The perception is understood as a complex psychophysiological process aimed at recognizing objects, and including the procedures of perception, awareness, understanding, and the reaction of the perceptor to the perceived. This feature allows to distinguish the perception from the procedure of one-time copying of the surrounding world through the senses. The combination of multi-level linguistic means based on the generality of the transmitted semantic function of human perception of the external world in the concept of functional grammar is interpreted as a functional-semantic category. The perception of fragments of reality by the author-perceptor in the analyzed texts correlates with the parameters of the deictic speech situation: “I fix here and now what is happening”. The grammatical dominant of a scientific English text is the present tense of Present Simple, which expresses different options of the realization of the category of perceptivity. The reliability of scientific information is due to the responsibility of the author-perceptor, who reports the study results of certain phenomena in the scientific picture of the world. The formation of a perceptual paradigm is caused by a combination of extralinguistic factors that are relevant for cross-cultural scientific communication, the participants of which are representatives of different cultural traditions, scientific schools. Persuading the foreign addressee to verify the obtained scientific results with the help of evidence-based arguments accepted in the scientific field of communication, the author solves an additional pragmatic problem of choosing a balance between argumentation using his own research results and argumentation based on existing international experience in the form of references to existing knowledge.

Keywords: the cross-cultural communication, the perception, the scientific text, the argumentative speech strategy, the functional-semantic category

Введение

Материалом для исследования в рамках данной статьи послужили международные научные доклады по различным проблемам арктической и альпийской микологии, опубликованные в ежегодных сборниках научных трудов по итогам проведения международных конференций и симпозиумов. Целью статьи является выявление роли категории перцептивности в верификации научной информации, содержащейся в тексте, адресованном международному научному сообществу как коллективному адресату, имеющему с адресантом круг общих научных интересов, касающихся биологического разнообразия Арктики и высокогорий. Актуальность круга обсуждаемых проблем для микологов и экологов подтверждается обширным

участием ученых из разных стран в международных ежегодных, регулярно проводимых научных мероприятиях, где в форме научных докладов сообщаются новые результаты научных изысканий. При этом рабочим языком научных мероприятий избирается английский. Для достижения цели нашего исследования отбираются только те научные доклады, для авторов которых английский язык является родным.

Основная часть

Главной прагматической функцией научного текста является, как известно, передача информации, доказательство ее истинности. Таким образом, верификация знания — важный прототипический признак научной коммуникации.

В поликультурном научном дискурсе необходимость в предъявлении достоверной, обоснованной информации еще более обостряется. Данное обстоятельство вызвано дискурсивными особенностями кросскультурной научной коммуникации. Среди таких особенностей можно назвать характеристики коммуникантов. С одной стороны, коммуниканты относятся к одному научному сообществу, которое имеет схожие научные интересы, стремится к глубине проникновения в общий объект научного исследования, к верификации знаний об объекте исследования, обмену научным опытом, имеющему особую важность для практического применения научных результатов. С другой — принадлежат к разным культурным традициям, научным школам, располагают различными возможностями, необходимыми для проведения и апробации научных исследований. Нельзя не упомянуть и о том, что международное научное общение осуществляется, как правило, на английском языке, который для многих участников является иностранным. Данные факторы затрудняют верификацию информации научного сообщения, приводят к необходимости аргументированного доказательного инструментария для убеждения иноязычного адресата в истинности полученных результатов. Наибольшей достоверностью обладают результаты, полученные исследователем путем наблюдения, анализа, и зафиксированные им в научных публикациях. В таких случаях адресант научного текста выступает как автор-перцептор, который несет ответственность за результаты своего исследования, возлагая на себя роль источника информации. На основании перцепции автора доказывается достоверность предъявляемых сведений. Приведем пример: «*In some cases, however, it seems possible to fix the age, at least the postglacial age, and origin of some examples*» (Müller, Magnuson 1987, 6). Автор-исследователь сообщает об обнаруженной им возможности установить возраст некоторых экземпляров. В следующем примере автор высказывает оценку-сожаление из-за отсутствия информации о грибах-паразитах растений: «*Unfortunately, and due to the lack of investigations and incomplete information concerning the presence of plant parasitic fungi*» (Müller, Magnuson 1987, 6). Очевидно, что «перцепция автора не является просто процедурой одноязычного копирования окружающего мира через органы чувств, а представляет собой сложный психофизиологический процесс, включающий фазы распознавания объектов, восприятия, осознания понимания, реакцию перцептора

на воспринимаемое» (Комлева, Сергеева 2019, 92), отражение этой реакции вербальными и поликодовыми средствами, например, рисунками наблюдаемых объектов, их фотографиями.

«Перцептивное восприятие (зрительное, слуховое, ольфатическое, тактильное) отражается семантикой разноуровневых языковых единиц, объединенных на основе общности выполняемой ими семантической функции» (Комлева, Сергеева 2019, 93). Такое объединение может быть рассмотрено как функционально-семантическая категории перцептивности (ФСКП) в рамках концепции функциональной грамматики (Бондарко 2005). ФСКП, как и любая функционально-семантическая категория, имеет в языке план содержания и план выражения. Планом содержания ФСКП является передача восприятия, а планом выражения — разноуровневые языковые средства, объединенные семантикой восприятия. Прототипическое значение категории перцептивности можно выразить в виде формализованной записи $Pt = P1 * Vp * Trp$ (где Pt — значение категории перцептивности, $P1$ — перцептор в первом лице единственного числа, Vp — перцептивный глагол, Trp — синхронический аспект времени, * — совокупность элементов). Данная формализованная запись имеет следующие вербальные воплощения: «*I see..., I hear..., I smell..., I feel...*». Присутствие перцептора в семантическом примитиве имеет особую релевантность для толкования проявлений ФСКП в перцептивной категориальной ситуации — в тексте.

Наличие в английском языке разноуровневых языковых средств «с функцией чувственного восприятия позволяет объединить их в рамках функционально-семантического поля перцептивности (ФСПП) и рассматривать как языковые разноуровневые средства, выражающие ФСКП» (Комлева, Сергеева 2019, 93). Таким образом, ФСПП представляет собой двустороннее содержательно-формальное единство. «План содержания перцептивности как функционально-семантической категории, имеющей полевою структуру, представлен различными вариантами значения восприятия внешнего мира» перцептором (Комлева 2022, 84). Морфологические и синтаксические средства английского языка во взаимодействии со словообразовательными, лексико-грамматическими и лексическими элементами, относящимися к семантической области перцептивности, формируют план выражения.

Варианты перцептивного значения присутствуют в речи всегда, но проявляются с разной интенсивностью (Комлева 2022, 84), как

и в текстах анализируемых международных научных докладов. Следует признать, что есть типы текстов, образованные точкой зрения автора, которая должна иметь эксплицитное выражение. Научные тексты в таком текстовом «собрании» должны занимать центральное положение, которое подкрепляется наличием прототипа ФСКП, отражающего акт перцепции. Однако исследовательский материал (проанализировано 92 научных доклада, объем которых колеблется от половины до целого печатного листа) дает иные свидетельства выражения авторской перцепции в научном тексте. Объяснением этому служат несколько экстралингвистических факторов, которые обуславливают частотность употребления периферийных средств ФСПП для отражения акта перцепции в текстах научных докладов и почти полное нивелирование ядерных конститuentов, указывающих на наличие адресанта-перцептора, воспринимающего действительность в событийном аспекте «Я — Здесь — Сейчас».

Первым из таких факторов является сложность самой перцепции как процесса восприятия изучаемого объекта ученым-исследователем, поскольку акт перцепции всегда имеет дополнения и объяснения, основанные на ранее полученных знаниях, научном опыте с привлечением исследовательской интуиции, что отличается от простого первичного перцептивного восприятия с помощью органов чувств. Приведем пример:

Most arctic-alpine plants and their attendant parasites populated mountainous regions with cool climates long before the glacial epoch in the Northern Hemisphere. These plants survived in the ice-free zones during that epoch, and followed the retreating ice when it ended. It seems, therefore, quite logical for such abundant arctic-alpine plants as Polygonum viviparum or Dryas octopetala, together with related Dryas species, to have the same characteristic fungal parasites both in the Arctic and in the Alps (Müller, Magnuson 1987, 8).

Рассуждая о расселении большинства арктико-альпийских растений и сопутствующих им паразитов задолго до ледниковой эпохи в Северном полушарии, автор исследования выводит цепь логических заключений, что эти растения выжили в свободных ото льда зонах и последовали за отступающим льдом, поэтому наличие характерных для них грибных паразитов является вполне логичным. Автор проявляет познания в толковании исследуемых явлений, что свидетельствует не просто об акте перцепции, а об апперцепции как о толковании, аналитиче-

ском познании, совокупности суждений, которые сложились из чувственного восприятия (Потебня 1989, 145). Об аналитической апперцепции автора научного текста свидетельствует следующий пример, где речь идет о результатах проведенного сопоставительного анализа: «**This geographical similarity of parasites also occurs in such species as *Venturia subcutanea* on *Salix reticulata* <...>**» (Müller, Magnuson 1987, 8).

Вторым дискурсивным фактором, служащим причиной для нивелирования перцептора, является особенность кросскультурного научного общения, которое часто таит в себе опасность неадекватного восприятия коммуникантами друг друга и, как следствие, возникновения межкультурных барьеров (Гетьманенко 2013, 77), а научный текст должен быть территорией достижения консенсуса между людьми, объединенными общим кругом научных интересов (Варгина 2010, 31). Несмотря на то, что верификация научного знания всегда подкрепляется рациональным обоснованием научного положения с помощью демонстрации результатов, полученных самим исследователем эмпирическим путем с опорой на предшествующий научный опыт в определенной сфере научного знания, в кросскультурном научном общении перед адресантом встает дополнительная прагматическая задача выбора баланса между аргументированным обоснованием с помощью собственных результатов исследования или с опорой на существующий международный опыт в виде отсылок к уже имеющимся знаниям. Необходимость решения такой задачи обусловлена общими особенностями речевых стратегий в рамках межкультурного общения. К таким особенностям относятся стремление избежать интеллектуального превосходства, отторжения чужой культуры, укрепление доверия (Бирюков 2013, 36). Это подтверждается приведенным ниже примером, где результаты собственного сопоставительного анализа, позволяющего выявить географическое сходство организмов, сопровождаются ссылками на исследование, которые проводились ранее:

*This geographical similarity of parasites also occurs in such species as *Venturia subcutanea* on *Salix reticulata* (Nüesch 1960); *Polystigma volkartiana* and *Uromyces phacae-frigidae* on *Astragalus frigidus*; *Anthracoidea elynae* on *Kobresia myosuroides*; and *Puccinia Jueliana* and *Exobasidium (Arcticomycetes) warmingii* on *Saxifraga* spp. (Savile 1959, Müller 1977 a) (Müller, Magnuson 1987, 8).*

Отсылки к предыдущим исследованиям являются важными интертекстуальными

включениями, служащими заложенной в текст программой прогнозируемого восприятия текста адресатом, включающей его социально-типологические и психолого-личностные черты (Щирова 2005, 57). В межкультурной коммуникации адресант-перцептор как часть международного коллектива, с одной стороны, объединенного общим объектом научного исследования, а с другой — разобщенного разными исследовательскими точками зрения, нуждается в создании предпосылок для достижения консенсуса. Отсылки к общеизвестным научным фактам, которые стали хрестоматийными, упоминание известных ученых, внесших большой вклад в развитие науки, обеспечивают создание общей научной базы, способствуют расширению фактуальной, объективной информации, служащей аргументированием истинности результатов, полученных эмпирическим путем. Подтверждение собственных доводов ссылкой на иные научные источники в процессе верификации научных результатов характерно для любого научного общения. В международной научной коммуникации с помощью таких ссылок решается дополнительная прагматическая задача демонстрации уважения к предшествующим научным исследованиям, равенства научного вклада ученых.

Принципами вежливости и уважения обусловлено и указание на себя автором научного текста через коллективное «мы», через номинацию безличных ментальных состояний, таких как «представляется возможным», «думается», «ставится под сомнение» и т. д., наименование коллективного сообщества в третьем лице «авторский коллектив», подразумевающее работу нескольких ученых. Несмотря на отсутствие эксплицитного наименования автора-перцептора научного текста, он всегда так или иначе вербализован в научном тексте, присутствует в нем как его неотъемлемая часть. Иначе обстоит дело с текстовым проявлением автора-перцептора в кросскультурном научном общении.

Основное отличие кросскультурного научного общения заключается не просто в безличности коммуникации, а в завуалированности автора, который, выступая как представитель института, а иногда целого государства, никак не выдает в себе исследователя, эксперта, коммуникативного центра научного дискурса. Автор-перцептор подразумевается, поскольку он заявлен в препозиции к тексту, но в собственно текстовой части научного доклада он себя эксплицитно не обнаруживает. Автор-перцептор как будто не «находится в позиции непосредственного наблюдения за событием, не воспри-

нимает его физически» (Комлева, Сергеева 2019, 93), не является самим исследователем, наделенным определенным опытом и знанием, а всего лишь свидетель происходящего. Дистанцирование автора может получить объяснение через третий прагматический фактор, вызванный отсутствием у адресанта непосредственного доступа к наблюдениям за объектом исследования в среде, в живой природе, что по отношению к нашему исследовательскому материалу объясняется географической труднодоступностью к биологическому разнообразию грибов и миксомицетов Арктики, Субарктики и высокогорий. Следующие примеры демонстрируют результаты актов перцепции, при которых адресант научного текста лично не наблюдал факты, но интерпретирует их по результатам наблюдений его предшественников. На основании этой интерпретации автор-перцептор делает выводы:

Analysis of over 40 collections reveals some interesting patterns of distribution which could be linked to host specific mycorrhizal associations (Downes 1998, 89).

All collections are housed in the Massey Herbarium at Virginia Tech unless otherwise indicated (Downes 1998, 87).

Такая особенность восприятия, вызванная тем, что адресант научного текста привлекает для исследования материал, собранный его предшественниками, встречается так или иначе в 32-х из 92-х проанализированных текстах научных докладов.

Четвертый фактор, ведущий к изменению перцептивного состояния автора научного доклада, обусловлен тем, что адресант не имел непосредственного доступа к исследовательскому материалу для получения собственных новых результатов, но он располагает информацией о том, что интересующее его исследование уже имело место, и исследовательский материал может быть заимствован. Приведем пример:

*The general size and lack of a partial veil, combined with the capitate cheilocystidia, are those of *H. pusillum* but with the large spores it was described by Bruchet (1970)* (Downes 1998, 89).

Данное выражение перцептивного значения частично переплетается с третьим, описанным выше, которое вызвано отсутствием у адресанта непосредственного доступа к наблюдениям за объектом исследования в среде, в живой природе. Как указано выше, факт получения знания из другого авторитетного научного источника позволяет представить данное знание

не только как уже известное, а как общепринятое в научной сфере общения. Старое, общеизвестное знание, переданное как информация со ссылкой на источник, служит сильным аргументом при убеждении в достоверности новых результатов исследования. Однако к этому стоит добавить, что данная перцептивная фаза очень важна для самого исследователя, поскольку отсылка к теоретической базе не просто усиливает достоверность его новых научных результатов, но и подтверждает наличие прочного научного фундамента; отсутствие спонтанности проведенного исследования помогает избежать возможных противоречий при обсуждении дискуссионных вопросов.

Пятым фактором, ведущим к появлению следующего способа реализации перцептивного значения, является наличие у автора текста возможности наблюдать за объектом научного исследования, но при этом автор не считает необходимым обнаруживать себя. Средствами языка отражаются воспринимаемые адресантом-перцептором фрагменты действительности, которые находятся с ним в одном хронотопе. Восприятие данных фрагментов действительности, относящихся к научным интересам автора-перцептора, соотносится со следующими параметрами дейктической речевой ситуации: «Я — Здесь — Сейчас вижу / слышу / ощущаю / фиксирую происходящее». Грамматической доминантой научного англоязычного текста, в свете вышесказанного, является настоящее время действительного залога *Present Simple*, передающее различные варианты значения восприятия человеком внешнего мира. Научные факты, законы природы, описываются в форме *Present Simple*, при этом отсутствуют глаголы «видеть», «наблюдать», «слышать», указывающие на акт перцепции. О том, что имеет место визуальное наблюдение, свидетельствует описание внешних признаков грибов и миксомицетов, относящихся к объекту научных интересов автора: «*The small size, capitate cheilocystidia, amygdaliform spores, lack of a veil and association with dwarf willows are the distinctive characters of H. Pusillum*» (Downes 1998, 89); подробный анализ деталей их внешнего вида: «*Plants stout, green or, more commonly, pinkish to purplish-red, in compact cushions or hummocks. Wood cylinder red; cortex of 3–4 layers of cells, those at the surface with 1(-4) large, rounded to elliptic pores*» (Long 1985, 12); описание внутреннего строения: «*Stem leaves with hyaline cells not divided, without fibrils or sometimes fibrillose near the apex, resorbed on the outer surface or sometimes on both surfaces. Branches in fascicles of 4–5, with 2–3 spreading; cortical cells uniporose*» (Long 1985, 12).

Обнаруженные проявления перцептивного значения объединяет отсутствие указания на перцептора, при этом не представляется возможным выделить частотность проявления одного из них в исследовательском материале, поскольку они реализуются в каждом из проанализированных текстов в совокупности, обеспечивая верификацию нового научного знания.

Выводы

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с ролью конститuentов функционально-семантического поля перцептивности в подтверждении истинности предъявляемого нового знания, следует отметить, что категория перцептивности релевантна для любого текста. Но существуют тексты, возникновение которых обусловлено точкой зрения автора-перцептора об определенных явлениях картины мира. К таким текстам относятся научные доклады, публикуемые в ежегодных сборниках международных конференций и симпозиумов, научных каталогах, в которых критерий истинности предъявляемого знания является одним из главных. В основе процедуры обоснования истинности научного знания в указанных текстах лежит категория перцептивности. В объеме прототипического значения данной категории входит указание на адресанта, воспринимающего действительность в дейктических координатах «Я — Здесь — Сейчас вижу / слышу / ощущаю / фиксирую происходящее». Общность семантики восприятия, которой обладают разноуровневые языковые средства, дает основание для объединения вариантов значения перцептивности в полевую структуру — функционально-семантическое поле перцептивности. Попадая в текст, в перцептивную категориальную ситуацию, функционально-семантическая категория перцептивности обнаруживает варианты своего выражения, вызванные экстралингвистическими факторами. Данные факторы обусловили градуальность выражения категории перцептивности, что главным образом сводится к нивелированию адресанта-перцептора как источника предъявляемой информации. Первым дискурсивным фактором, вызвавшим переход адресанта-перцептора в подтекст, является сложность самого акта перцепции в научном дискурсе, что вызвано привлечением дополнительных сведений, объяснений, полученных эмпирическим путем. Наличие толкований, аналитических познаний свидетельствует не просто о чувственном восприятии на уровне перцепции, а об апперцепции как более сложном восприятии, основанном на личном опыте. Второй дискурсивный фактор, связанный

с нивелированием адресанта-перцептора, вызван опасностью нарушения научного консенсуса в международном общении и, как следствие, стремлением верифицировать предъявляемую информацию через отсылки к другим научным источникам. Отсутствие эмпирического наблюдения за изучаемым объектом в среде его обитания из-за ее труднодоступности является третьим фактором, обуславливающим отсутствие указания на автора-перцептора в тексте. Четвертый фактор связан с необходимостью заимствовать материал, уже ставший предметом более ранних научных исследований, для решения иных исследовательских задач. Особенность перцептив-

ного отражения, фиксируемая средствами языка, вызванная пятым фактором, отличается непосредственным наблюдением автором-перцептором за объектом исследования, о чем свидетельствуют детальные описания внешних признаков и внутреннего строения последнего.

Под влиянием дискурсивных особенностей кросскультурной научной коммуникации автор-перцептор текста научного доклада, являясь его неотъемлемой составляющей, не всегда эксплицитно вербально маркирован, что указывает на особенности отражения акта восприятия в речи и способствует фиксированию наличия перцептивной парадигмы.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список сокращений

ФСКП — функционально-семантическая категория перцептивности.
ФСПП — функционально-семантическое поле перцептивности.

List of Abbreviations

FSCP — Functional-semantic Category of Perceptivity.
FSFP — Functional-semantic Field of Perceptivity.

Литература

- Бирюков, Н. И. (2013) Взаимопонимание и взаимное непонимание в условиях глобализации. В кн.: А. В. Шестопа, М. В. Силантьева (ред.). *Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ сентябрь 2012 г.)*. М.: Аспект Пресс, с. 35–40.
- Бондарко, А. В. (2005) *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. М.: Языки славянских культур, 620 с.
- Варгина, Е. И. (2010) Перцепция и воздействие в научном тексте. В кн.: Е. Г. Хомякова (ред.). *Перцепция. Рефлексия. Язык*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 28–41.
- Гетьманенко, Н. И. (2013) Общение на разных языках как единый процесс. В кн.: А. В. Шестопа, М. В. Силантьева (ред.). *Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. (Материалы VII Конвента РАМИ сентябрь 2012 г.)*. М.: Аспект Пресс, с. 76–78.
- Комлева, Е. В. (2022) Засвидетельствованность текстов рекламы (на материале современного немецкого языка). В кн.: И. А. Королева (ред.). *Шестнадцатые Поливановские чтения: сборник статей по материалам докладов и сообщений Международной научной конференции (Смоленск, 25–26 октября 2022 г.)*. Смоленск: Изд-во СмолГУ, с. 82–88.
- Комлева, Е. В., Сергеева, Н. В. (2019) К вопросу о перцептивности как функционально-семантической категории (на материале современного английского языка). *Казанская наука*, № 2, с. 91–93.
- Потебня, А. А. (1989) *Слово и миф*. М.: Правда, 623 с.
- Щирова, И. А. (2005) *Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 155 с.

Sources

- Downes, J. A. (1998) What is an arctic insect? In: V. A. Mikhin, H. Knudsen (eds.). *Arctic and Alpine Mycology 5: Proceeding of the Fifth International Symposium on Arcto-Alpine Mycology (Labytnangi, Russia, August 15–27, 1996)*. Yekaterinburg: Yekaterinburg Publ., pp. 80–89. (In English)

- Long, D. G. (1985) *Illustrated moss flora of Arctic North America and Greenland. 1. Polytrichaceae*. Copenhagen: Commission for Scientific Investigations in Greenland Publ., 57 p. (In English)
- Müller, E., Magnuson, J. A. (1987) On the Origin and Ecology of Alpine Plant Parasitic Fungi. In: G. A. Laursen, J. F. Ammirati, S. A. Redhead (eds.). *Arctic and Alpine Mycology II*. Boston: Springer Publ., pp. 3–16. https://doi.org/10.1007/978-1-4757-1939-0_2 (In English)

References

- Biryukov, N. I. (2013) Vzaimoponimanie i vzaimnoe neponimanie v usloviyakh globalizatsii [Mutual understanding and misunderstanding in a globalised world]. In: A. V. Shestopal, M. V. Silant'eva (eds.). *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennaya teoriya i praktika (Materialy VII Konventa RAMI sentyabr' 2012 g.)* [Intercultural communication: Modern theory and practice (Proceeding of the VII RAMI Convention (September 2012))]. Moscow: Aspekt Press Publ., pp. 35–40. (In Russian)
- Bondarko, A. V. (2005) *Teoriya morfologicheskikh kategorij i aspektologicheskie issledovaniya [Morphological category theory and aspectological research]*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ., 620 p. (In Russian)
- Get'manenko, N. I. (2013) Obshchenie na raznykh yazykakh kak edinyj protsess [Communication in different languages as a single process]. In: A. V. Shestopal, M. V. Silant'eva (eds.). *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennaya teoriya i praktika (Materialy VII Konventa RAMI sentyabr' 2012 g.)* [Intercultural communication: Modern theory and practice (Proceeding of the VII RAMI Convention (September 2012))]. Moscow: Aspekt Press Publ., pp. 76–78. (In Russian)
- Komleva, E. V. (2022) Zasvidetel'stvovannost' tekstov reklamy (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [The attestation of advertising texts (on modern German)]. In: I. A. Koroleva (ed.). *Shestnadsatye Polivanovskie chteniya: sbornik statej po materialam dokladov i soobshchenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Smolensk, 25–26 oktyabrya 2022 g.)* [Sixteenth Polivanov readings: Collection of articles based on reports of the International scientific conference (Smolensk, October 25–26, 2022)]. Smolensk: Smolensk State University Publ., pp. 82–88. (In Russian)
- Komleva, E. V., Sergeeva, N. V. (2019) K voprosu o pertseptivnosti kak funktsional'no-semanticheskoy kategorii (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka) [A function-semantics category of perception revisited (on the material of the English language)]. *Kazanskaya nauka — Kazan Science*, no. 2, pp. 91–93. (In Russian)
- Potebnya, A. A. (1989) *Slovo i mif [Word and myth]*. Moscow: Pravda Publ., 623 p. (In Russian)
- Shchirova, I. A. (2005) *Tekst i interpretatsiya: vzglyady, kontseptsii, shkoly [Text and interpretation: Views, concepts, schools]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 155 p. (In Russian)
- Vargina, E. I. (2010) Pertseptsiya i vozdeystvie v nauchnom tekste [Perception and impact in a scientific text.]. In: E. G. Khomyakova (ed.). *Pertseptsiya. Refleksiya. Yazyk [Perception. Reflection. Language]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 28–41. (In Russian)

УДК 811.11-112

EDN ENASDD

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-28-37>

Языковая реализация категории «чужого» в путевых заметках Клауса и Эрики Манн «Вокруг света»

И. Г. Паневина ¹

¹ Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного,
194064, Россия, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, д. 3

Сведения об авторе

Ирина Григорьевна Паневина,
SPIN-код: 5050-7290,
e-mail: zarina_4@rambler.ru

Для цитирования: Паневина, И. Г. (2023) Языковая реализация категории «чужого» в путевых заметках Клауса и Эрики Манн «Вокруг света». *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 1, с. 28–37. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-28-37> EDN ENASDD

Получена 1 июня 2023; прошла рецензирование 14 июля 2023; принята 4 августа 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. Г. Паневина (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов языковой реализации категории «чужого» в книге Клауса и Эрики Манн «Вокруг света» (*«Rundherum»*). Категория «чужого» рассматривается как часть оппозиции «свой-чужой», являющейся одной из культурных доминант любого социума. Путевые заметки определяются как жанр, в котором «чужая» реальность находится в фокусе внимания автора и представляется информативным материалом для изучения категории «чужого». Актуальность настоящей работы обусловлена комплексным подходом к исследованию данной категории с учетом исторического и культурологического контекста создания произведения, сложившейся на тот момент социальной и политической обстановкой в отдельных странах и мире в целом. В статье рассматриваются виды лингвистических средств, способствующих вербализации «чужого», описываются их функции и место в произведении. Оппозиция «свой-чужой» представлена в тесной взаимосвязи с категорией оценочности, в связи с этим особое внимание уделяется группе оценочной лексики, участвующей в реализации исследуемой категории. Рассматриваются положительные и отрицательные моменты, отмеченные немецкими путешественниками во время пребывания в Советском Союзе. Определено, что языковая реализация оппозиции «свой-чужой» оказывается тесно связана с существующими этническими стереотипами, хотя их воздействие может быть нивелировано личной позицией автора. Установлено, что субъективный характер жанра путевых заметок оказывает значительное влияние на отбор языковых средств репрезентации «чужого». Результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов межкультурной коммуникации, лингвострановедения, лингвокультурологии, спецкурса по политической лингвистике.

Ключевые слова: оппозиция «свой-чужой», категория «чужого», путевые заметки, Советский Союз 1920–1930-х годов, категория оценочности, этнические стереотипы

Linguistic realization of the category “Alien” in the book of Klaus and Erica Mann “Rundherum”

I. G. Panevina ✉¹

¹ S. M. Budyonny Military Academy of the Signal Corps, 3 Tikhoretskij prospect, Saint-Petersburg 194064, Russia

Author

Irina G. Panevina, SPIN: 5050-7290, e-mail: zarina_4@rambler.ru

For citation: Panevina, I. G. (2023) Linguistic realization of the category “Alien” in the book of Klaus and Erica Mann “Runderum”. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 28–37. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-28-37> EDN ENASDD

Received 1 June 2023; reviewed 14 July 2023; accepted 4 August 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. G. Panevina (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article is devoted to the study of the ways of linguistic realization of the category “Alien” in the book of Klaus and Erica Mann “Around the World” (“Rundherum”), who visited the Soviet Union in 1927. The category “Alien” is considered as a part of the opposition “Own-Alien”, which is one of the cultural dominants of any society. Travel notes are defined as a genre in which the “alien” reality is in the focus of the author’s attention. The relevance of this work is due to a comprehensive approach to the study of this category, taking into account the historical and cultural context of the creation of the book, the social and political situation prevailing at that time in individual countries and the world as a whole. The article discusses the types of linguistic means that contribute to the verbalization of the category “Alien”, describes their functions and place in the text. The opposition “Own-Alien” is presented in close relationship with the category of evaluativity, in this regard, special attention is paid to the group of evaluative vocabulary involved in the implementation of the category under study. The positive and negative aspects noted by German travelers during their stay in the Soviet Union are considered. It is determined that the linguistic realization of the opposition “Own-Alien” turns out to be closely related to existing ethnic stereotypes, although their impact may be offset by the personal position of the author. It is established that the subjective nature of the genre of travel notes has a significant impact on the selection of linguistic means of representation of the “Alien”. The results of the research can be used in the preparation of courses in intercultural communication, linguistics, linguoculturology, a special course in political linguistics.

Keywords: the opposition “Own-Alien”, the category “Alien”, travel notes, the Soviet Union of the 20s–30s, the category of evaluativity, ethnic stereotypes

Введение

Цель статьи — описать группу языковых средств, репрезентирующих категорию «чужого» в путевых заметках Клауса и Эрики Манн «Вокруг света» («*Rundherum*»). Для достижения указанной цели необходимо решить ряд задач: определить место оппозиции «свой-чужой» в национально-культурной концептосфере; выявить средства, посредством которых категория «чужого» получает вербализацию в исследуемом произведении; описать место и функции этих средств в произведении. Исследование проводится следующими методами: лингвокультурологический анализ, лингвистический анализ, семантико-стилистический, контекстный анализ.

Оппозиция «свой-чужой» представляет собой одну из основных культурных доминант, лежащих в основе ценностной картины мира. «Языковая личность понимает реальность „Другого“ относительно „своей“ реальности. Притяжение и отторжение „чужого“ — один из нормальных

и естественных способов саморазвития любого культурного мира. И если в теории, путем известного интеллектуального напряжения, еще возможно абстрагирование от категорий „свой-чужой“, преодоление дихотомичного членения мира, то в культуре повседневности концепт „свой-чужой“ представляет собой константную структуру, организующую любой социокультурный опыт — коллективный и индивидуальный, языковой и поведенческий, визуальный и социально-практический» (Бойко 2006, 78).

Ключом к пониманию природы оппозиции «свой-чужой» в сознании индивидуума может являться теория диалогичности, глубоко проработанная в работах М. М. Бахтина. «Я» человека проявляется только на пути к диалогу с другими (Бахтин 2016, 26). «При этом главной составляющей подобного бытия является восприятие „Я“ через „Другого“. На фоне сопоставления и сравнения мира „своего“ и „Другого“ в сознании человека создается определенная картина мира» (Болдырев 2017, 20).

Оппозиция «свой-чужой» служит основой для формирования этнических стереотипов. «Языковая репрезентация стереотипизированной информации осуществляется разными способами. Обычно принято соотносить ее с представлением о конкретном народе по схеме „они такие“ и „они всегда поступают так“, отражающей известную ригидность стереотипа. Тексты, передающие содержание этнических стереотипов, представляют соответствующую информацию как прототипическую, „нормальную“ и „верную“ в отношении объекта» (Кочетков 2017, 89).

Оппозиция «свой-чужой» тесно связана с категорией оценочности. Зачастую все «чужое» наделяется отрицательными коннотациями, «свое» же — положительными. Однако данная модель действует не во всех случаях. В определенном контексте «свое» также может становиться объектом критики и оцениваться отрицательно, «чужое» может стать интересным, необычным и т. д. и представляться положительным (Алиева 2013, 12–13).

Путевые заметки — описания путешествий по различным уголкам нашей планеты — представляются идеальным материалом для изучения языковой реализации категории «чужого». Путевые заметки обычно содержат информацию о жизни людей, природе, традициях, бытовых особенностях и других реалиях чужой культуры. «Важной частью литературы этого жанра является образ автора, который становится одновременно очевидцем, непосредственным участником и интерпретатором описываемых событий. Автор обращается к „своему“ читателю, который разделяет с ним общую картину мира. Универсальная оппозиция „свой-чужой“ является формообразующей категорией литературы путешествия в целом и путевых заметок в частности. Сама цель путешествия — познать иное, отличное от „своего“, определяет значимость категории „свой-чужой“ в текстах путевых заметок, где „свой“ — это автор и потенциальный читатель заметок, а „чужой“ — описываемый объект» (Гладкова 2022, 125).

Материал исследования

Материалом исследования в настоящей статье послужила книга Клауса и Эрики Манн — детей знаменитого немецкого писателя Томаса Манна. В 1927–1928 годах Клаус и Эрика совершили кругосветное путешествие, впечатления от которого они изложили в сборнике путевых заметок «*Rundherum*» («Вокруг света»). На момент выхода книги Клаусу было всего

21 год, Эрике — 22. Седьмого октября 1927 года молодые люди, известные своей склонностью к эксцентричным выходкам, отбыли на корабле в Америку.

Путешествие продолжалось более девяти месяцев, большую часть этого времени молодые люди провели в США. Стремясь подхлестнуть интерес публики к этому визиту, Клаус и Эрика выдавали себя за близнецов. *Mann twins* посетили Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Калифорнию и другие города Соединенных Штатов.

Полгода Клаус и Эрика пробыли в Америке, далее объехали Гавайские острова, Корею, Японию, СССР. С Дальнего Востока до Москвы путешественники добирались на поезде, проехав практически всю страну. В июле 1928 года через Варшаву они вернулись в родную Германию. Сборник путевых очерков «*Rundherum*» вышел в начале 1929 года и получил довольно широкую известность (Strohmeur 2004, 48).

В статье рассматриваются впечатления от пребывания К. и Э. Манн в Советской России, изложенные в книге на пятнадцати страницах. Брат и сестра подчеркивают свое стремление быть максимально беспристрастными и объективными в своих описаниях, забыв предрассудки и стереотипы, навязываемые им о молодом советском государстве в их родной стране:

Bei einem ersten Aufenthalt in Russland sollte man sich, eifriger noch als in anderen Ländern, jeden Tag, den Gott werden lässt, vorhalten: Vergiss die Vorurteile, so du dir gemacht, die positiven wie die negativen, urteile nicht — schau! (Mann, Mann 2005, 132) [При первом посещении России следует еще более тщательно, чем в других странах, каждый божий день напоминать себе: «Забудь предрассудки, которые у тебя были, как положительные, так и отрицательные, не суди — наблюдай!»] (здесь и далее — пер. автора статьи).

Очевидно, что жанр путевых заметок не может быть полностью свободен от субъективной оценки, однако молодые авторы действительно сделали все возможное, чтобы изучить жизнь советского общества с иного, непривычного им ракурса.

Оценивая отношения между СССР и Германией (Веймарской республикой) в 1920-е годы, необходимо отметить их неоднозначность и противоречивость. С одной стороны, отношения эти были не лишены доброжелательности, что объясняется особым положением Советской России и Веймарской республики на мировой арене: две страны практически оказались в экономической изоляции, Германия — вследствие

негативного отношения к нации, развязавшей Первую мировую войну, СССР — вследствие неприятия многими крупными державами нового социалистического государства. Таким образом, обе страны были заинтересованы в поддержании экономических отношений друг с другом.

Однако нарастание политических репрессий в СССР, возрастающая закрытость советского общества сдерживали дальнейшее развитие взаимоотношений. Советское правительство резко реагировало на критические замечания германской прессы и различных общественно-политических организаций, называя их вмешательством во внутренние дела страны. В Германии, в свою очередь, не желали мириться с преследованиями немецких граждан и этнических немцев, проживающих в СССР (Артюков 2001, 5–7).

Растущая напряженность во взаимоотношениях, новый, непривычный для западного мира облик молодого Советского государства обусловили появление множества стереотипов, что необходимо учитывать при исследовании характера вербализации оппозиции «свой-чужой» в текстах данного периода.

Анализ источника

Поскольку в центре внимания путешественника — автора заметок — всегда находится «чужая» действительность, естественным представляется значительное преобладание средств языковой реализации категории «чужого», в то время как «свое», как правило, упоминается лишь для проведения сравнений, либо отсылок к иному опыту. Анализ языкового материала позволил установить следующую группу лингвистических средств репрезентации категории «чужое» в произведении К. и Э. Манн:

1. Антропонимы

Клаус и Эрика Манн демонстрируют неплохое знание русской классической литературы, упоминая имена известных писателей: *Dostojewski* (Mann, Mann 2005, 128); *Tschechow* (Mann, Mann 2005, 132).

Путешествуя на поезде по России, читают Достоевского:

Wir trösteten uns mit Dostojewski, lasen manches von ihm noch einmal, manches zum erstenmal (Mann, Mann 2005, 128). [Мы утешались Достоевским, кое-что у него перечитывали, кое-что читали впервые].

Поскольку во время посещения Маннов Советской России в стране широко отмечался

шестидесятилетний юбилей М. Горького, авторы не могли не обратить внимание на огромное количество открыток с изображением писателя, которые продавались в каждом газетном киоске. При описании внешности Горького они особо отмечают его близость к народу, живость черт и пронзительность:

Zur Zeit unseres Aufenthaltes machte dem Leninschen Bild das des Dichters Maxim Gorki Konkurrenz. Der Sechzigjährige wurde nach langer Abwesenheit in der Heimat enthusiastisch gefeiert. Von jedem Zeitungskiosk und aus jedem Geschäft schaute sein intensiv lebendiges Katergesicht uns an; das Gesicht des Mannes aus dem Volke mit Schnauzbart und eindringlichen Augen (Mann, Mann 2005, 135). [Во время нашего пребывания портреты поэта Максима Горького составляли конкуренцию портретам Ленина. Возвращение 60-летнего поэта после долгого отсутствия торжественно отмечалось на Родине. Из каждого газетного киоска и каждого магазина смотрело его живое кошачье лицо; лицо человека из народа с густыми усами и пронзительными глазами].

Клаус и Эрика пишут об обилии портретов Ленина, некоторые поражают авторов своими размерами и техникой исполнения:

Im Treppenhaus hängt Lenins Riesenporträt, und zwar in Korn ausgeführt, ein Mosaik aus gelben, braunen, schwarzen und weißen Körnern (Mann, Mann 2005, 140). [На лестничной клетке висят огромные портреты Ленина, выложенные кристаллами, — мозаика из желтых, коричневых, черных и белых кристалликов].
In jeder Auslage Lenins Porträt, welches im Gesamtbild der Stadt eine vielleicht noch größere Rolle spielt als das des Mussolini in Rom (Aber man sieht Lenin lieber als Mussolini) (Mann, Mann 2005, 135). [В каждой витрине — портрет Ленина, который играет в общем облике города, возможно, даже большую роль, чем Муссолини в Риме (однако на Ленина сморишь охотнее, чем на Муссолини)].

Очевидный культ личности Ленина позволяет молодым авторам провести параллели относительно Москвы и Рима, наводненного портретами диктатора Муссолини. При этом они корректно пытаются уйти от отождествления этих двух политических лидеров, подчеркивая, что Ленин воспринимается как более положительная фигура, чем итальянский диктатор, ведущий страну к фашизму.

Из политических лидеров, известных на западе, упоминается Л. Троцкий. Однако портретов Троцкого в Москве авторы не увидели, поскольку в это время он уже находился в опале:

Aber *Trotzkis Bild fehlt in Moskau. Die Verbannten werden nicht ausgestellt* (Mann, Mann 2005, 135). [Но портретов Троцкого в Москве не увидишь. Изгнанников не выставляют публице].

Волнует гостей и судьба российской интеллигенции в условиях диктатуры пролетариата. Так, они посещают известного русского композитора Р. Глиэра:

<...> *als wir den russischen Komponisten Gliere besuchten, dessen Ballett „Der rote Mohn“ in der Großen Oper sehr gefeiert worden war. Es gab zwar guten Tee und russische Konfitüren, aber die Wohnung war... leicht bedrückend... Der Musiker... möchte fort, aber das ist undurchführbar. So bleibt er in seinem Zimmerchen, wo es ein bisschen stickig ist, und träumt am Klaviere... Was man von diesem Besuch mitnimmt, ist ein starkes Mitleidgefühl. Es muss für einen Künstler nicht leicht sein, unter des Proletariats Diktatur das Leben zu fristen* (Mann, Mann 2005, 139). [<...> при нашем визите к русскому композитору Глиэру, чей балет «Красный мак» был тепло принят в Большом театре. Чай и русское варенье были хороши, однако квартира... немного удручала... Музыкант... хотел бы уехать, но это не осуществимо. Так он и остается в своей немного душной комнатухе и мечтает, сидя за пианино... После этого визита остается острое чувство сострадания. Для человека искусства, вероятно, не так легко влачить свою жизнь при диктатуре пролетариата].

Словосочетаниями *leicht bedrückend* (немного удручала), *ein bisschen stickig* (немного душной) авторы подчеркивают давящую атмосферу в жилище музыканта, мечты которого о переезде в другую страну неосуществимы. После этого визита у них остается лишь «острое чувство сострадания» к пожилому композитору, далекому от политики, вынужденному мириться с существующим положением вещей.

2. Топонимы

Во время путешествия с Дальнего Востока в Москву Манны смогли познакомиться с некоторыми сибирскими городами:

Krasnojarsk, Omsk, Irkutsk waren uns selbstverständlich geläufig wie Magdeburg, Halle, Hannover (Mann, Mann 2005, 126). [Красноярск, Омск, Иркутск были у нас на слуху, как Магдебург, Галле, Ганновер].

Утверждая, что названия ряда сибирских городов стали для них столь же обычными, как названия городов родной Германии, авторы одновременно создают определенный эффект дистанцирования, подчеркивая свою национальную принадлежность. Россия для них чужая

страна, здесь они лишь гости, которым случайно удалось поближе познакомиться с определенными реалиями и некоторыми сторонами жизни.

Чаще всего в книге встречается название российской столицы, в которой они провели наибольшее количество времени:

Stellen wir uns, als wenn das Wirtschaftliche, das Politische, Organisatorische uns ganz und gar nicht interessierte... dann bleibt als Ergebnis, als unvergessliches, großes — die Stadt. Moskau, Mütterchen Russlands innerstes und heiligstes Herz (Mann, Mann 2005, 133). [Давайте представим, что экономические, политические, организационные моменты совершенно нас не интересуют... тогда в результате, незабываемый и великий, останется город. Москва — сокровенное и святое сердце матушки-России].

Клаус и Эрика пытаются дистанцироваться от некоторых глобальных проблем, способных испортить впечатление путешественника, и стараются отобразить главные моменты. Москва в их изображении предстает как самое сокровенное и святое, как сердце матушки-России. Отбор эпитетов может свидетельствовать о начитанности и уровне образования молодых авторов, их знании русской классической литературы.

Пристрастием к русской классике можно объяснить тот факт, что молодые люди предпочитают использовать слова *Russland* (Россия), *das russische Reich* (Российская империя), в то время как *die Sowjetrepublik* (Советская республика) встречается в книге только два раза.

3. Бытовые реалии

В небольшую группу бытовых реалий, отмеченных в книге, можно включить наименования напитков:

Wir nährten uns mit Zitrone, Schwarzbrot mit Butter und Wodka (Mann, Mann 2005, 125). [Мы питались лимоном, черным хлебом с маслом и водкой].

Во время пути по Транссибирской магистрали брат и сестра Манны испытывали материальные трудности — отсюда их скудный рацион, включающий и водку — напиток, ассоциирующийся у многих иностранцев с Россией.

Часто встречаются в книге наименования денежных знаков: *Rubel* (рубль), *Kopeke* (копейка). Такое внимание объясняется фактом, удивившем авторов с самого первого дня их пребывания в Советском Союзе: цены необычайно высоки, они превосходят цены в Германии и других странах, в которых им довелось побывать:

*Der erste Eindruck von Russland ist, dass dort alles so **ungehörig viel kostet**. <...> man wollte für die Beförderung unseres Gepäcks **ganz erhebliche Summen haben**, unter zweihundert Mark tat man es nicht (Mann, Mann 2005, 125). [Первое впечатление о России — там все стоит так невероятно дорого. <...> за перевозку нашего багажа хотели взять значительную сумму, меньше чем за 200 марок это было сделать невозможно].*

При обозначении российских цен на различные услуги и товары используются прилагательные и наречия с семантикой преувеличения *ungehörig viel* (невероятно много), *erheblich* (значительный), позволяющие повысить экспрессивность повествования.

Приводя в пример цены в России, авторы чаще всего параллельно указывают соответствующую сумму в немецких марках:

*Im Speisewagen kostete eine Orange **einen Rubel fünfzig** (ist gleich **drei Mark zwanzig**), auf den Stationen eine Tafel Schokolade **zwei Rubel** (ist gleich **vier Mark fünfzig**) (Mann, Mann 2005, 126). [В вагоне-ресторане апельсин стоил один рубль 50 копеек (это три марки 20 пфеннигов), на станциях плитка шоколада стоила два рубля (это четыре марки 50 пфеннигов)].*

Данный прием также позволяет дистанцироваться от изображаемого, подчеркнуть, что российские денежные единицы им непривычны. Кроме того, авторы пытаются облегчить восприятие своего рассказа для иноязычного читателя, незнакомого с российскими денежными единицами и колебаниями курса, тем самым повысив прагматическую эффективность текста.

4. Ономастические реалии

Сюда относятся названия фильмов и театральных представлений, которые брату и сестре удалось посмотреть в Москве или о которых они слышали. Так, Манн высоко оценили легендарную киноленту «*Potemkin*» («Броненосец Потемкин»), гораздо ниже — просмотренную ими второразрядную пьесу «*Der bewaffnete Zug*» («Бронепоезд»), в основе которой лежал сюжет о Гражданской войне. Также в книге упоминается известный балет композитора Р. Глиэра «*Der rote Mohr*» («Красный мак»).

5. Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни

В этой группе необходимо отметить название государственной организации, занимающейся расширением культурного взаимодействия с другими странами:

*Vergessen wir nicht, ein Hoch auf die **VOKS** auszubringen; es ist **das Institut** «für kulturelle Verbindung*

der Sowjetunion mit dem Ausland», — und der Fremde wäre verloren in Moskau ohne diese glänzend funktionierende Einrichtung (Mann, Mann 2005, 135). [Не забудем поднять тост за ВОКС; это организация «культурной связи Советского Союза с заграницей», и иностранец пропал бы в Москве без этого блестяще функционирующего учреждения].

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было создано в 1925 году. Целями организации являлось ознакомление советских граждан с зарубежными культурными событиями и достижениями и распространение информации о культурной жизни СССР за рубежом. Помимо этого, данное общество сотрудничало с НКВД и участвовало в сборе информации об иностранцах, посещающих Советский Союз. Визит таких именитых гостей как Клаус и Эрика Манн не мог оказаться за рамками внимания. В высказывании молодых авторов прослеживается тонкая ирония над основной и «вспомогательной» функциями ВОКС.

6. Интертекстуальные включения

Интертекстуальные включения в книге многочисленны. Здесь необходимо отметить известное высказывание В. И. Ленина, ставшее одной из ключевых цитат советской эпохи:

*Es wird Gottesdienst gehalten... Vor den Ikonen brennen große Kerzen. Indessen steht auf öffentlicher Tafel draußen angeschrieben: «**Religion ist ein Opium fürs Volk**». Das ist offiziell, von der Regierung (Mann, Mann 2005, 134). [Идет служба... Перед иконами горят свечи. Между тем, на общественной табличке снаружи написано: «Религия — опиум для народа». Это официально, от правительства].*

Табличку с этой цитатой авторы заметили в одной из московских церквей и, по всей видимости, она произвела на них сильное впечатление.

7. Оценочная лексика

Это прежде всего эпитеты с положительной и отрицательной оценкой, которые широко используются в путевых очерках.

Оценочная лексика с положительными коннотациями преобладает при описании величественной природы России, поразившей авторов во время путешествия по стране:

*Und draußen die **große Landschaft**. **Nicht enden wollend** die Birkenwälder; jeden Tag wieder die **Birke**, **sich tausendfach wiederholend**, der **rührende und hübsche und bescheidene Baum**. Es gibt eine Novelle von Sologub, in der ein dreizehnjähriger Junge sich in eine Birke verliebt, ich glaube, er stirbt dann,*

während er sie umklammert: an diese Geschichte voll eines krankhaften und süßen Reizes mussten wir denken, während wir **nichts und nichts und nichts als Birken** sahen. — Dazwischen **breite Ströme** und **das schroffste Gebirge**, und dazwischen **Seen**, plötzlich ist **einer so groß wie ein Meer**. In einer **phantastischen Großzügigkeit** erinnerte uns diese Landschaft an die amerikanische. Aber sie ist **hundertmal schöner**. Ich weiß nicht, wer Sibirien öde finden kann. Öde ist es zwischen Chicago und Los Angeles (Mann, Mann 2005, 128). [А снаружи — великолепный ландшафт. Бесконечные березовые леса, каждый день снова и снова береза, повторяясь тысячекратно, трогательное, милое и скромное дерево. Есть рассказ Сологуба, в котором тринадцатилетний мальчик влюбляется в березу, мне кажется, он потом умирает, обнимая ее. Эта история, полная болезненного и сладостного очарования, вспоминалась нам, когда мы видели одни лишь березы. Между ними — широкие потоки и отвеснейшие горы, а между теми — озера, какое-то из них вдруг размером с море. В своем фантастическом великолепии ландшафт напомнил нам природу Америки. Но здесь в сотни раз прекрасней. Я не знаю, кто может считать Сибирь тоскливой. Тоскливо — между Чикаго и Лос-Анджелесом].

Эпитеты *phantastische Großzügigkeit* (фантастическое великолепие), *große Landschaft* (великолепный ландшафт), *breite Ströme* (широкие потоки), *das schroffste Gebirge* (отвеснейшие горы) и сравнение *so groß wie ein Meer* (размером с море) подчеркивают масштаб российских просторов, их необъятность и уникальность. Символ России — береза — трогательное, милое и скромное дерево (*der rührende und hübsche und bescheidene Baum*), представляющее важным элементом российского пейзажа. Бесконечное мелькание березовых рощ за окном помогает воспроизвести многократное повторение отрицания *nichts* (ничего) в сочетании с повторением союза *und* (и). Неоднократное использование причастия I также позволяет передать динамику повествования (*nicht enden wollend* (не желающие заканчиваться); *sich tausendfach wiederholend* (тысячекратно повторяясь)). Упомянув рассказ Федора Сологуба «Белая береза», К. и Э. Манн вновь демонстрируют неплохое знание русской литературы.

Сравнивая природу Сибири с американскими пейзажами, молодые авторы отдают первенство российским ландшафтам, о чем свидетельствует эмоциональное сравнение *hundertfach schöner* (в сотни раз прекрасней).

Большое впечатление на авторов производит Москва, составить конкуренцию которой может, по их мнению, только Париж:

Es gibt wenig Städte — vielleicht nur noch Paris, — in denen das Spazierengehen so viele **Freude** wie hier **macht**, trotz des «proletarisierten» Straßenbildes. Immer wieder findet sich **Neues, Fremdes, Ungeahntes**: versteckte Durchgänge, Mauerchen, Plätze. — Und dann ist da der **wundervolle Spaziergang** am Wasser entlang, wo man auf den **unbetretbaren** Kreml den Blick hat; diesen Weg sind wir täglich gegangen, und täglich beschlossen wir, dass er nicht leicht seinesgleichen findet. Tagsüber baden in dem Gewässer; <...> die Burschen und jungen Männer, angesichts des Kreml, dessen **schöne Türme und Baulichkeiten** zusehen (Mann, Mann 2005, 133). [Есть мало городов, — может быть, еще только Париж, — в которых прогулки доставляют такое удовольствие, несмотря на «пролетаризированный» вид улиц. Все время найдется что-то новое, незнакомое, неожиданное: тайные проходы, стенки, площади. А потом еще чудесная прогулка вдоль воды, с чудесным видом на недоступный Кремль; этим путем мы ходили ежедневно и ежедневно приходили к выводу, что ему нелегко найти равных. День-деньской купаются в реке... парни и молодые мужчины перед Кремлем, чьи прекрасные башни и строения взирают на них].

Свои прогулки по российской столице брат и сестра Манны описывают с помощью оценочной лексики с положительными коннотациями (*so viele Freude* (так много радости), *der wundervolle Spaziergang* (чудесная прогулка)). Самым привлекательным в Москве авторы считают ее индивидуальный характер, непохожесть на все многочисленные города разных стран мира, которые им довелось посетить, что подчеркивается языковыми средствами (*Neues* (новое), *Fremdes* (незнакомое), *Ungeahntes* (неожиданное)). Вид неприступного Кремля завораживает Клауса и Эрику во время их прогулок вдоль Москвы-реки. Таинственность и красоту его башен передают эпитеты *schöne Türme und Baulichkeiten* (прекрасные башни и строения), *der unbetretbare Kreml* (недоступный Кремль).

Среди определений с отрицательным знаком оценки, характеризующих внешний вид российской столицы, часто встречается эпитет *proletarisiert* (пролетаризированный):

Man hat pflichtgemäß zu konstatieren, dass das Moskauer Straßenbild «proletarisiert» sei <...> (Mann, Mann 2005, 132). [Вынуждены признать, что вид московских улиц «пролетаризирован» <...>].

Это понятие характеризует невысокий уровень жизни населения: жалкий внешний вид многих людей на улицах, нищета, которая то и дело попадалась авторам на глаза: *«die betonte Schabigkeit, welche die Kleidung des Durchschnittes*

charakterisiert» (Mann, Mann 2005, 132). [«явная убогость, характерная для одежды обычных людей»]; «<...> *bürgerlich gekleidete Leute sind selten, elegante fehlen fast ganz. Außerdem fallen viele und scheußliche Bettler auf, einarmige, humpelnde, blinde, ganz verfallene* <...>» (Mann, Mann 2005, 132). [«<...> одетые по-городскому люди встречаются редко, элегантно одетых людей вообще не найти. Кроме того, бросается в глаза множество отвратительных попрошайек, одноруких, хромых, слепых, совсем пропащих <...>»].

Для описания используется ряд эпитетов с негативной оценкой, вынесенных в сильную позицию обособления (*viele und scheußliche Bettler* (множество отвратительных попрошайек), *einarmige, humpelnde, blinde, ganz verfallene* (однорукие, хромые, слепые, совсем пропащие)).

Отмеченные во время пребывания в России отрицательные моменты Манна отчасти связывают с существовавшей тогда в стране экономической системой. Это было время НЭПа (*Neppwirtschaft*), название которого иронично обозначено авторами через два «р» .

Das ist Neppwirtschaft, aber eine mit Doppel-P geschriebene (Mann, Mann 2005, 131). [Это экономика НЭПа, но написанная через два «П»].

Таким образом, создается игра слов *neppen* (обманывать, жульничать), характеризующая сущность подобной системы ведения хозяйства в стране.

Авторы недвусмысленно дают понять, что не согласны с теми небылицами, которые на западе распространяются в новостях о молодом советском государстве:

<...> die Organisation des Propagandadienstes muss der Regierung überaus wichtig sein, da nur eine ständige und intensive Reklame halbwegs die schlaunen und infamen Verleumdungen unschädlich zu machen vermag, die unaufhörlich in die Welt gesetzt werden. Ein Land, über das in allen anderen Ländern der Welt mit so leidenschaftlichem Eifer geschimpft wird, muss etwas dafür tun, dass fremde Durchreisende mit positiven Eindrücken nach Hause kommen (Mann, Mann 2005, 135). [«<...> организация службы пропаганды должна быть весьма важна для правительства, поскольку только постоянная и интенсивная пропаганда частично может исправить вред хитрой и низкой клеветы, постоянно распространяемой в мире. Страна, которую с таким страстным рвением ругают во всех остальных странах мира, должна что-то делать для того, чтобы иностранные путешественники вернулись домой с положительными впечатлениями»].

Как люди, живущие на западе, Клаус и Эрика хорошо знают, сколько подлой, низкой клеветы, слухов и сплетен передается о Советском Союзе за рубежом, во всех странах мира принято яростно нападать на «большевиков» и «Советы». Хотя авторы не заявляют об этом открыто, но выбор лексики позволяет предположить, какое недовольство вызывают у них подобные несправедливые обвинения.

8. Сравнения

Излюбленным объектом сравнения для молодых авторов выступают цены в СССР и качество услуг, которые они не устают сопоставлять с западными:

Alles ist ziemlich fein; natürlich nicht ganz so, wie es in den guten Hotels anderer Städte, aber dafür viermal so teuer (Mann, Mann 2005, 132). [Все довольно прилично; конечно не совсем так, как в хороших отелях других городов, зато в четыре раза дороже].

Сравнения эти делаются не в пользу России: качество обслуживания уступает другим странам, стоимость же — выше в четыре раза. Основную причину этого авторы видят в запутанности экономических условий молодого советского государства.

Продолжая сопоставление российской столицы с другими городами подчеркивается непохожесть Москвы ни на один из американских городов. Авторы находят в ней больше внешнего сходства с европейскими городами, Нюрнбергом и Римом, по их мнению, в значительной степени сохранившими свой средневековый вид.

Заключение

Оппозиция «свой-чужой» является одной из базовых констант национально-культурной концептосферы любого народа. Люди любой национальности определяют «свое» как родное, понятное, близкое, «чужое» — зачастую как далекое и непонятное. Эти отношения между миром «своим» и миром «чуждым» получают языковую репрезентацию и могут быть обнаружены в текстовом материале.

Путевые заметки представляют собой удачный материал для исследования языковой реализации категории «чужого». Они относятся к так называемой «культуре повседневности», т. е. посвящены описанию реальных фактов, событий и впечатлений об «иной» действительности.

В языковой репрезентации категории «чужого» в книге принимает участие большая

группа лингвистических средств, в основном лексического уровня. Преобладающими средствами оказываются оценочные и образные лексические средства, в частности, эпитеты и сравнения. Антропонимы, топонимы, интертекстуальные включения не находят широкого использования в анализируемых путевых очерках, что можно объяснить относительно коротким пребыванием авторов в Советском Союзе и недостаточным знакомством с реалиями страны.

Оппозиция «свой-чужой» теснейшим образом связана с категорией оценочности. Вы-

соко оценивают авторы природу России, московские достопримечательности, многие явления культурной жизни СССР. Отрицательные коннотации получает описание экономических проблем молодого советского государства, а также чрезмерное влияние идеологии на разные стороны жизни общества.

Несмотря на заявление авторов о непредвзятости, их суждения нередко далеки от объективности. Это подчеркивает крайне субъективный характер оппозиции «свой-чужой», который необходимо учитывать при проведении исследований на языковом материале.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Алиева, Т. В. (2013) *Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой-чужой» в британском политическом дискурсе. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., МГИМО, 28 с.
- Артыуков, О. В. (2001) *Советско-германские отношения в 1925–1933 гг. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук*. М., ИРИ РАН, 37 с.
- Бахтин, М. М. (2016) *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Азбука, 416 с.
- Бойко, М. А. (2006) Влияние дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» на создание в современной прессе позитивного образа страны. В кн.: В. Б. Кашкин (ред.). *Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 4*. Воронеж: Изд-во ВГУ, с. 139–148.
- Болдырев, Н. Н. (2017) Язык как интерпретирующий фактор познания. В кн.: Н. А. Беседина (ред.). *Интерпретация мира в языке*. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, с. 19–81.
- Гладкова, О. Х. (2022) Соотношение категорий «оценка» и «свой-чужой» в англоязычных путевых заметках XIX века. *Litera*, № 5, с. 122 – 133. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.5.35812>
- Кочетков, В. В. (2017) *Психология межкультурных различий*. М.: ПЕР СЭ, 416 с.
- Strohmeyr, A. (2004) *Klaus und Erika Mann. Eine biographie*. Leipzig: Reclam Verlag, 180 p.

Sources

- Mann, E., Mann, K. (2005) *Rundherum. Abenteuer einer Weltreise [All the way round: A light-hearted travel book]*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 156 p. (In German)

References

- Alieva, T. V. (2013) *Yazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noj oppozitsii "svoj-chuzhoj" v britanskom politicheskom diskurse [Linguistic means of realization of the conceptual opposition "Own-Alien" in the British political discourse]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Moscow, MGIMO University, 28 p. (In Russian)
- Artyukov, O. V. (2001) *Sovetsko-germanskie otnosheniya v 1925–1933 gg. [Soviet-German relations in 1925–1933]. Extended abstract of PhD dissertation (History)*. Moscow, Institute of Russian History RAS, 37 p. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (2016) *Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]*. Moscow: Azbuka Publ., 416 p. (In Russian)
- Bojko, M. A. (2006) *Vliyanie diskursivnykh faktorov "svoj", "chuzhoj" i "drugoj" na sozdanie v sovremennoj presse pozitivnogo obraza strany [The influence of discursive factors "Own", "Alien" and "Other" on the creation of a positive image of the country in the modern press]*. In: V. B. Kashkin (ed.). *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. Vyp. 4 [Language, communication and social environment. Iss. 4]*. Voronezh: Voronezh State University Publ., pp. 139–148. (In Russian)

- Boldyrev, N. N. (2017) Yazyk kak interpretiruyushchij faktor poznaniya [Language as an interpretive factor of cognition]. In: N. A. Besedina (ed.). *Interpretatsiya mira v yazyke [Interpretation of the world in language]*. Tambov: Derzhavin Tambov State University Publ., pp. 19–81. (In Russian)
- Gladkova, O. Kh. (2022) Sootnoshenie kategorij “otsenka” i “svoj-chuzhoj” v angloyazychnykh putevykh zametkakh XIX veka [The ratio of the categories “evaluativity” and “Own-Alien” in English travel notes of the XIX century]. *Litera*, no. 5, pp. 122–133. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.5.35812> (In Russian)
- Kochetkov, V. V. (2017) *Psikhologiya mezhkul'turnykh razlichij [Psychology of intercultural differences]*. Moscow: PER SE Publ., 416 p. (In Russian)
- Strohmeyr, A. (2004) *Klaus und Erika Mann. Eine biographie [Klaus and Erika Mann. A biography]*. Leipzig: Reclam Verlag, 180 p. (In German)

Текст художественной литературы на языках кино и музыки: возможности и пределы перевода

В. А. Разумовская ✉¹

¹ Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, Свободный пр-т, д. 79

Сведения об авторе

Вероника Адольфовна
Разумовская, SPIN-код: 8263-8539,
ResearcherID: O-3584-2017,
ORCID: 0000-0002-0751-7964,
e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Для цитирования:

Разумовская, В. А. (2023) Текст художественной литературы на языках кино и музыки: возможности и пределы перевода. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 1, с. 38–46. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-38-46> EDN GTQCZF

Получена 8 июня 2023; прошла рецензирование 2 августа 2023; принята 4 августа 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. А. Разумовская (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Формами «новой» жизни вербального оригинала после его создания, бесспорно, являются не только его иноязычные версии (переводы), но и вторичные тексты, созданные на языках других семиотических систем — кинематографа, театра, музыки, балета, живописи и т. д. Указанные направления возможной бифуркации и трансформации исходного вербального, а также и мономодального произведения художественной литературы прежде всего характерны для «сильных» текстов. В русской литературе к категории «сильных» текстов, бесспорно, относятся следующие произведения: «Евгений Онегин», «Преступление и наказание», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго», «12 стульев» и др. В пространстве мировой культуры яркими примерами «сильных» текстов служат «Дон Кихот», «Ромео и Джульетта», «Фауст», «Собор Парижской Богоматери». В ряде случаев при трансформации первичного текста имеет место некий «переводческий парадокс»: вторичные невербальные тексты становятся намного популярнее вербального оригинала и воспринимаются «читателями» как первичные. Успех и популярность вторичной версии «сильного» оригинала нередко имеет обратный эффект восприятия, обращая внимание потенциальных читателей на литературный первоисточник, знакомство с которым произошло через вторичную версию, и побуждая к его прочтению. В современном гуманитарном дискурсе представлена устойчивая тенденция к рассмотрению вторичных версий художественных текстов с позиций принципов синергетики, теории адаптации, переводоведения, а также с учетом важнейшего методологического понятия дополнительности, предложенного Н. Бором и широко используемого в дальнейшем. Создание вторичных версий текста средствами «других» семиотических систем определяется вслед за Р. Якобсоном как межсемиотический перевод и описывается с помощью понятий адаптации и транспозиции. В процессе адаптации, являющейся осознанным преобразованием, обусловленным культурным или прагматическим контекстом в отношении вторичного текста, художественный оригинал используется как основа для его создания. Адаптация традиционно предполагает элизию (информационное сокращение) вербального оригинала и сопровождается культурным, а также хронологическим транскодированием (переносом информации). Фокусируя свой исследовательский интерес на центре переводной аттракции, автор обращается к созданным на основе романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» кинофильмам, спектаклям, операм, мюзиклам, а также балетам.

Ключевые слова: «сильный» литературный текст, первичный и вторичный тексты, межсемиотический перевод, трансформация, единица перевода

The text of fiction in the “languages” of cinema and music: The possibilities and limits of translation

V. A. Razumovskaya ¹

¹ Siberian Federal University, 79 Svobodnyj Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia

Author

Veronica A. Razumovskaya,
SPIN: 8263-8539,
ResearcherID: O-3584-2017,
ORCID: 0000-0002-0751-7964,
e-mail: veronica_raz@hotmail.com

For citation: Razumovskaya, V. A. (2023) The text of fiction in the “languages” of cinema and music: The possibilities and limits of translation. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 38–46. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-38-46> EDN GTQCZF

Received 8 June 2023; reviewed 2 August 2023; accepted 4 August 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. A. Razumovskaya (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The forms of a “new” life of a verbal original text after its creation are not only its foreign–language versions, but also secondary texts created in the “languages” of other semiotic systems. These directions of bifurcation and transformation of verbal and monomodal works of fiction are characteristic, first of all, for “strong” texts. In Russian literature and culture, the category of “strong” texts undoubtedly includes “Eugene Onegin”, “Crime and Punishment”, “The Master and Margarita”, etc. In the space of world culture, “Don Quixote”, “Romeo and Juliet”, “Faust” serve as vivid examples of “strong” texts. In some cases, during the transformation of a primary text, there occurs a “translation paradox”: secondary nonverbal texts become more popular than a verbal original and are perceived by “readers” as primary ones. At the same time, the success and popularity of a secondary version of a “strong” original often has the opposite effect, drawing the attention of potential readers to a literary source and encouraging them to read an original text of fiction. In modern humanitarian discourse, there is a steady tendency to consider secondary versions from the standpoint of the principles of synergy, adaptation theory, Translation Studies, as well as taking into account the most important methodological concept of complementarity proposed by N. Bohr. The creation of secondary versions of a text by means of “other” semiotic systems is determined after R. Jakobson as an intersemiotic translation and is described through the concepts of adaptation and transposition. In the process of adaptation, which is a conscious transformation due to the cultural or pragmatic context in relation to a secondary text, an original text is used as the basis for its creation. Adaptation traditionally involves the elision of a verbal original and is accompanied by cultural as well as chronological transcoding (information transfer). This study examines films, operas, musicals, as well as ballets created on the basis of Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina”.

Keywords: “strong” text of fiction, primary and secondary texts, intersemiotic translation, transformation, unit of translation

«Сильный» художественный текст и его «жизнь» во вторичных версиях

Непреходящий интерес в современной гуманитаристике получил вопрос о природе отношений, устанавливаемых и в дальнейшем поддерживаемых между текстами, вовлеченными в процесс перевода. Прежде всего, речь идет о связях между текстом вербального оригинала и его вторичными версиями. Аксиомой науки о переводе стал тезис о том, что по отношению к своему подлиннику любой перевод всегда будет онтологически вторичен. В данном контексте несомненное значение и бесспорный интерес приобретает мнение немецкого философа и теоретика перевода В. Беньямина, высказанное в программной работе «Задача переводчика» (1923). Признавая онтологическую недостаточность перевода, он рассматривал текст перевода как важнейшую форму суще-

ствования оригинала, как один из способов продления жизни текста художественного произведения (Беньямин 2004). Беньямин образно определяет перевод как спасающее насилие над оригиналом, которое, тем не менее, его сохраняет. С этим суждением нельзя не согласиться.

Несомненно, что после создания вторичных иноязычных версий у текста оригинала начинается «новая» жизнь — жизнь в формах и пространствах «чужих» языковых и культурных систем. Однако полного и, насколько это возможно, однозначного понимания природы отношений между оригиналом и переводом на настоящий момент еще не достигнуто, и вопросы, поставленные Беньямином, все еще остаются без ответа. Многообразие точек зрения по указанной проблеме свидетельствуют и доказывают ее актуальность; требуется уточнение и переосмысление понятия «перевод» (области применения, семиологических характеристик

и механизмов), а также дальнейшая разработка типологии, расширение категориальной парадигмы переводоведения и всей многоаспектной гуманитаристики. В своих работах Беньямин обращался исключительно к материалу межъязыкового (классического, традиционного) перевода, в котором представлены исключительно вербальные тексты. Однако в настоящее время расширяющаяся типология переводов и меняющаяся категориальная парадигма переводоведения свидетельствуют о существовании вторичных версий вербального оригинала различной (не только вербальной) семиотической природы. Это предоставляет исследователям новый материал для осмысления категории вторичности в переводоведческом аспекте и позволяет рассмотреть трансформацию и существование вербального оригинала не только в полилингвальном и поликультурном, но также и в более широком пространстве — межсемиотическом, мультимодальном и поликодовом. В связи с вышесказанным важное методологическое и действенное значение приобретает типология перевода, предложенная Р. Якобсоном, где вторичными версиям оригинала художественного текста признаются не только исключительно межъязыковые, но и внутриязыковые и межсемиотические (Jakobson 1959).

Интересный материал для анализа проявления категории вторичности в предметном поле переводоведения представляют «сильные» тексты художественной литературы, которые занимают особое место в национальном и мировом культурном пространстве. Признано, что «сильные» тексты обладают высоким эстетическим потенциалом и большой культурной ценностью. Такие тексты имеют широкую читательскую аудиторию. Они традиционно включены в национальные и международные образовательные каноны и стандарты, входят в престижные рейтинги книг, рекомендованные к обязательному прочтению. «Сильные» тексты обладают высокой цитируемостью и играют роль символа для представителей «своей» и «чужих» культур. Исследователи считают, что «сильные» тексты находятся в постоянном взаимодействии с другими «сильными» текстами, они вовлечены в перманентный энергетический обмен, отдавая эстетическую энергию своим читателям и получая энергию от них, что создает информационный резонанс (Кузьмина 2009, 68–71). В соответствии с высокой способностью к реинтерпретативности «сильные» тексты являются регулярными объектами различных видов перевода (по приведенной выше типологии Р. Якобсона). Создание вторичных

текстов играет важнейшую роль в межкультурном обмене и взаимовлиянии. Отметим, что в ряде культур архивирование, актуализация и манифестация культурной информации (памяти) происходит преимущественно через тексты художественной литературы, что позволяет определить в научном дискурсе подобные культуры как литературоцентричные (по Ю. М. Лотману, текстоцентрические). К литературоцентрическому типу, бесспорно, относится русская культура: литературные тексты доминируют в сохранении культурного своеобразия, во взаимодействии русской культуры с «другими» культурами. Именно через художественные тексты представители мировых культур постигают русскую.

Текст оригинала и все его иноязычные и иносемиотические версии связаны отношением когерентности и обеспечивают устойчивый и плодотворный диалог национальных литератур и культур в синхронии и диахронии. В аспекте перевода генерирование вторичных версий «сильного» оригинала можно определить через категории переводной множественности и неисчерпаемости оригинала, которые сравнительно недавно дополнили категориальную парадигму художественного переводоведения и активно используются в последние десятилетия (Шерстнева 2020).

Понятие переводной множественности, ставшее в дальнейшем категорией, первоначально предполагало возможность создания у художественного оригинала вторичных версий, выраженных средствами одной или нескольких языковых систем. Указывались следующие причины появления данного переводческого феномена: 1) многослойность содержания текста оригинала и вариативность его вероятных интерпретаций; 2) индивидуальность переводчика, его стремление создать версию, которая превосходит предшествующие; 3) необходимость создания новой версии в связи с естественным устареванием языка ранее созданных переводов или их неудовлетворительным качеством (Шерстнева 2020). При использовании понятия перевода в широком значении в последнее время к проявлению категории переводной множественности стали относить не только иноязычные, но также и иносемиотические вторичные версии оригинала. Категория неисчерпаемости оригинала выводится на основе признания его информационной неоднозначности и предполагает его реализованную или потенциальную способность генерировать гипотетически бесконечное число интерпретаций в процессе восприятия и далее декодирования. Как и в случае

переводной множественности неисчерпаемость оригинала связана не только с иноязыковыми, но и с иносемиотическими интерпретациями текста вербального оригинала.

Указанные выше явления художественного перевода и соответствующие им переводоведческие категории позволяют описать еще одно новое понятие науки о переводе — центр переводной аттракции, представляющий собой гетерогенную совокупность текстов различной семиотической природы, где оригинальный текст является аттрактором перевода, его ядром, а все вторичные версии — полем переводимости аттрактора (Разумовская 2016; Razumovskaya 2019). В свою очередь, поле переводимости организовано по принципу центра и периферии, включая уже реализованные переводы (как активные, так и уже вышедшие из употребления, неактуальные, пассивные), а также и переводы потенциальные (представленные в импликационной части поля), которые могут появиться в будущем в силу различных причин. Центр переводной аттракции никогда не будет создан до конца, поскольку количество переводов постоянно меняется в результате появления переводов на новые языки или повторных вторичных версий. Такая ситуация сближает рассматриваемое образование первичных и вторичных текстов с ключевым образом перевода, как Вавилонская башня. Еще раз отметим, что в роли аттрактора перевода регулярно выступают произведения литературы, которые считаются культурным достоянием мира или отдельной нации и находятся в узлах текстовых и культурных решеток, то есть являются «сильными» текстами (Bassennett, Lefevre 1998).

«Анна Каренина»: «сильный» текст и регулярный объект перевода

С романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина» русскоязычные читатели впервые познакомились в журнальной версии 1875–1877 годов. Примечательно, что за первыми журнальными публикациями последовала разгромная критика. Однако в дальнейшем мнение по отношению к толстовскому тексту изменилось. Высокую оценку роман получил от мастеров художественного слова: Т. Манн называл «Анну Каренину» величайшим социальным романом во всей мировой литературе, Р. Роллан считал роман (наряду с «Войной и миром») высочайшей вехой периода творческой зрелости Толстого. «Анна Каренина» и в XXI веке удерживается в топах многих престижных книжных рейтингов. В 2003 году роман был включен в рейтинг

«200 лучших книг по версии BBC / BBC The Big Read», а в 2018 году занял третье место в списке ста лучших романов человечества, составленном изданием «The Daily Telegraph». Толстовский текст, дающий подлинную картину жизни России конца XIX века, и его героиня, один из известных образов русской литературы, почти 150 лет волнуют читателя как на родине автора, так и за ее пределами.

В научной и научно-популярной литературе содержатся различные данные о количестве языков, на которых созданы вторичные версии романа, часто указывается более сорока. История создания иноязычных версий представлена двумя основными периодами: первый охватывает время с восьмидесятых годов XIX века до 1917 года, второй берет отсчет с 1917 года. В течение первого периода появились переводы на основные европейские языки и на некоторые восточные. За пять лет роман был переведен на чешский (1881, переводчик Ф. Шимачек, первый известный перевод на иностранный язык), немецкий (1885), французский (1885), шведский (1885), испанский (1886), итальянский (1886) и английский (1886) языки (Григорьев 1970). Вторым этапом в значительной степени был период переперевода — создания новых версий, на языках которых ранее были созданы переводы оригинала. Несомненно, что каждый перевод романа имеет уникальную историю и судьбу. Причем не только в плане проникновения в мировое культурное пространство, но и в плане создания других вторичных иноязычных версий. Яркой иллюстрацией перевода-посредника стала французская версия А. Богомолец (инициатива создания французского перевода принадлежала И. С. Тургеневу), опубликованная в 1885 году издательством «Hachette» без указания имени переводчика. Данное переложение послужило основой для создания первых переводов на ряд иностранных языков. Так, только с 1885 по 1887 годы на основе французской версии создаются переводы на немецкий, шведский, испанский, итальянский, английский, голландский, датский, венгерский языки, а версия Богомолец была неоднократно переиздана.

История создания английских интерпретаций романа начинается с версии 1886 года Н. Доула. Последняя известная англоязычная, созданная М. Шварц, опубликована в 2015 году. В промежутке появились переводы Р. Таунсенд (1892), К. Гарнетт (1901), Л. Винера (1904), Э. и Л. Мод (1918), Р. Эдмондс (1954), Дж. Кармайкла (1960), Д. Магашака (1961), Р. Пивера и Л. Волохонской (2000), К. Зиновьева и Дж. Хьюз (2008), Р. Барлетт (2014). В приведенном перечне особое место

занимает версия одного из самых известных переводчиков русской литературы К. Гарнетт, которая, несмотря на ошибки и неточности, имела большое значение для знакомства англофонных читателей с русской классикой и творчеством Л. Н. Толстого. Перевод Гарнетт и в наши дни остается «долгожителем» среди английских версий «Анны Карениной»: он продолжает издаваться в авторской и новых редакциях. Интерпретации Гарнетт и Богомолец нередко выступали в роли посредника. Так, по версии К. Гарнетт, в 1956 году Чжоу Ян создает первый полнотекстовый перевод романа на китайский язык (Ван 2019), сокращенная версия, опубликованная под названием «История Анны», датируется 1917-м.

С полной уверенностью можно утверждать, что создание новых переводов добавляет значимость первичному тексту, увеличивает его «силу» и убедительно свидетельствует о его активном присутствии в «своем» и «чужих» культурных пространствах.

«Анна Каренина» в межсемиотическом пространстве: создание сверхтекста

Возвращаясь к идеям В. Беньямина, еще раз подчеркнем, что появление каждого нового перевода обеспечивает дальнейшую «жизнь» оригинала, влияет на его «судьбу», на успешное и продолжительное существование в пространстве поликультурного и многоязычного мира. С воззрением Беньямина на значение перевода для «жизни» оригинала созвучно высказывание Р. Титце, авторству которой принадлежит один из последних переводов «Анны Карениной» на немецкий язык: «Перевод скорее живая вода литературы. В том, что великие произведения классики время от времени заново раскрываются в переводе, что они — в новом освещении — еще раз дарятся современному читателю <...>» (Титце 2011). Признавая наличие в центре переводной аттракции не только исключительно иноязычных версий, но и версий другой семиотической природы, подчеркнем, что свойством быть «живой водой литературы» в полной мере обладают также и переводы межсемиотические, представляющие интерпретации литературных текстов «языками» невербальных (или не только вербальных) семиотических систем.

Таким образом, к разряду вторичных иносемиотических текстов романа «Анна Каренина» принадлежат многочисленные театральные постановки, балеты, оперы, мюзиклы. Вторичными версиями толстовского текста следует

признать книжные иллюстрации, а также радиопостановки и аудиокниги, комиксы, мемы и т. д. В контексте искусства кинематографии роман стал одним из самых экранизируемых произведений художественной литературы в мире. Так, история создания киноадаптаций берет свой отсчет с начала эпохи кино и насчитывает более ста лет. Первая создана в Германии в 1910 году (немой фильм продолжительностью 15 мин, не сохранился). Не все кинофильмы признаются критиками и зрителями удачными и стали знаковыми как для истории кинематографа, так и для «судьбы» толстовского текста. В ряде случаев киноверсии не сохраняют оригинальное название: в 1927 году в США был снят немой фильм «*Love*» с Г. Гарбо в главной роли; в 1936-м в Австрии — «*Manja Valewska*»; в 1975-м во Франции — «*La passion d'Anna Karénine*». Не угасает интерес кинематографистов к роману и в XXI веке. Так, за последние пять лет были созданы «История Вронского» (2017, режиссер К. Шахназаров) и «Анна К» (2021, режиссер В. Федорович и др.). Приведенные названия эксплицируют обращение авторов вторичных версий, предлагающих варианты продолжения романа и изменяющих его нарративную линию, не только к истории героини романа, но и к другим персонажам. Такие интерпретации являются свидетельством того, что их авторы посредством своих произведений выражают уважение к классическому и его творчеству и могут считаться оммажем (Разумовская 2022). Проявлением признательности, вероятно, стал и театральный спектакль «Сережа», созданный Д. Крымовым по мотивам романа, в своей интерпретации он ставит акцент на истории сына Анны Карениной, которого на сцене представляет кукла. В прессе отмечалось, что постановка Крымова стала также и оммажем постановке МХАТа 1937 года режиссера В. И. Немировича-Данченко (Авдошина 2018). По данным различных источников, к концу первой четверти XXI века создано более 30 экранизаций романа. Несомненно, что каждая новая версия, переведенная на язык кино, визуализирует вербальный оригинал и, соответственно, увеличивает степень его переводимости и переведенности. Кинотекст расширяет границы переводимости художественного оригинала в силу использования при перекодировании текста оригинала авторами иносемиотических версий дополнительного «переводческого инструментария» — звука, музыки, цвета, видеоряда, монтажа. Если при чтении вербального текста читатель становится интерпретатором воспринимаемого им текста, создавая в своем сознании некий «транслят»,

то в случае экранизации интерпретаторами является как съемочная группа (режиссеры, актеры, операторы и т. д.), так и зритель, воспринимающий предлагаемый ему кинотекст, ставший уже текстом вторичным. Таким образом, интерпретация зрителя имеет в основе не только оригинальный художественный текст, но и вторичный кинотекст.

Традиционный композиторский интерес к роману Л. Н. Толстого породил множество музыкальных решений: опера, оперетта, балет, мюзикл, музыкальные композиции к киноадаптациям, телефильмам, театральным постановкам. Интересно, что в некоторых случаях представлена последовательная цепочка бифуркаций «текстов» музыки. Особенно интересно создание последовательности музыкальных текстов одним автором. Так, в 1967 году на экраны Советского Союза выходит фильм «Анна Каренина». Режиссером экранизации стал А. Зархи, роль Анны сыграла Т. Самойлова, создав яркий и запоминающийся образ. Автором музыкального сопровождения киноленты стал Р. Щедрин. Балерина М. Плисецкая, исполнившая роль княгини Бетси, в своих воспоминаниях отмечала театральность и пластичность музыки Щедрина, что породило идею о хореографическом воплощении произведения (Плисецкая 1994). Через пять лет состоялась премьера балета, в котором М. Плисецкая выступила в роли Анны Карениной. Музыка балета основана на партитуре композитора к фильму 1967 года. В музыкальном «тексте» балета представлено и цитирование музыки: Щедрин использует в своем «тексте» фрагмент из оперы Беллини *«I Capuleti ei Montecchi»* 1830 года. В дальнейшем оригинальная постановка балета Щедрина неоднократно ставилась на мировых театральных площадках, одну из интересных версий постановки предложил А. Ратманский в 2004 году. Таким образом, можно говорить о переводе толстовского оригинала на «языки» кино и музыки (1967), далее на «языки» хореографии и музыки (1972). В 1974-м был снят фильм-балет (режиссер М. Пилихина), где полимодальность вторичной версии романа обеспечивала уже сложная комбинация «языков» танца, музыки и кино. Известны балеты, основанные на романе «Анна Каренина», в которых использовалась музыка П. И. Чайковского, А. Г. Шнитке, И. А. Демецкого, К. Стивенсена.

Вторичными формами шедевра мировой классики стали опера и мюзикл. Среди авторов музыки для опер назовем следующих композиторов: Й. Хубай (1914), Я. Гамильтон (1978), Д. Карлсон (2007). Беспрецедентным проектом

стала опера «Анна Каренина», для создания которой художник и продюсер П. М. Каплевич использовал музыку В. А. Гаврилина. Каплевич определяет данный вторичный текст «Анны Карениной» как «полиформу» («форму, которая больше, чем опера»), образованную в результате синтеза трех видов искусства — оперы, балета и драмы. «Полиформа» расширяет количество интерпретируемых оригинал жанров и, соответственно, зрителей (Шилова 2019). Эксперимент Каплевича, предполагающий наличие нескольких каналов восприятия зрителями истории Анны Карениной, расширяет пределы переводимости толстовского текста. Особое значение имеет тот факт, что увеличение степени переводимости происходит в рамках одного произведения искусства. В 2020 году в Геликон-опере состоялась премьера оперы А. Б. Журбина «Анна К», героиней которой, как и в ленте В. Федоровича 2021 года, стала дочь толстовской героини. В отзывах отмечается, что Журбин музыкально подчеркивает родство двух Анн — матери и дочери (Тхарева 2020). Опера начинается сценой самоубийства Анны Карениной, ставшей отсчетной точкой оперного текста, который насыщен флэшбэками, воспоминаниями и комментариями. Примечательно, что одним из действующих лиц стал П. И. Чайковский, музыка которого цитируется в «тексте» Журбина. В определенном смысле данная опера представляет собой рефлексии на тему трагической истории большой любви и забвения. Известно несколько мюзиклов, которые были созданы в различных странах мира. Так, в 2003 году в оперном театре Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова состоялась премьера драматического мюзикла петербургского композитора В. Успенского (режиссер-постановщик И. Тайманова). В отношении вторичных «текстов»-переводов опер и мюзиклов можно говорить о музыкальной синонимичности, что может стать объектом отдельного исследования. В случае оперы и мюзикла вторичный текст представляет собой результат перевода оригинального вербального текста романа на «язык» музыки, а также предполагает создание нового вербального текста либретто (не всегда с опорой на текст оригинала). При постановках опер и мюзиклов в зарубежных странах в ряде случаев либретто подвергается переводу. К межсемiotическому и внутриязыковому переводу добавляется еще и межъязыковой, таким образом, вторичные тексты опер и мюзиклов — это результат всех трех якобсонских видов перевода.

Вслед за В. Беньямином перевод вербального текста на «язык» музыки можно определить как спасающее насилие, как использование еще одной семиотической формы, обеспечивающей сохранение оригинального текста. В контексте рассматриваемой проблематики переводимости «сильного» текста и ее пределов отметим очевидное сходство взглядов на перевод / интерпретацию В. Беньямина и итальянского композитора и теоретика музыки Ф. Бузони. Два выдающихся представителя искусства (словесного и музыкального) высоко ценили творчество, направленное на преобразование уже существующего материала, и отмечали важность поиска органичных форм, адекватно отвечающих оригинальному замыслу (У 2022). Для Бузони это переосмысление исходного музыкального текста, его трансформация, природа и цели которой во многом созвучны специфике переводческой деятельности в понимании Беньямина. «Как в творчестве Ф. Бузони, так и в творчестве В. Беньямина одинаково прослеживается конструктивное отношение к исследуемому ими материалу» (У 2022, 171).

Анализ возникновения и развития центра переводной аттракции, в котором аттрактором выступает роман «Анна Каренина», позволяет сделать вывод, что вокруг указанного «сильного» вербального текста происходит формирование синкретического политекста, имеющего гетерогенную природу. Совокупность оригинала и вторичных текстов различной семиотической природы представляет сложный и уникальный поликодовый, мультимодальный и мультилингвальный семиотический объект. Можно говорить

о том, что процесс формирования рассматриваемого центра имеет своим результатом генерирование определенного сверхтекста. Признавая существование различных точек зрения на природу сверхтекста, его базовые характеристики и виды (В. Н. Торопов, Ю. М. Лотман, Н. А. Купина, Г. В. Битенская, Н. Е. Меднис, А. Г. Лошаков и др.), а также наличие подвижных границ между имеющимися видами, отметим одно из важнейших семиотических свойств такого текстового образования — создание целостного культурного пространства, в котором имеет место экспликация и манифестация уже имеющихся смыслов и генерирование новых. В гуманитарном дискурсе к феномену сверхтекста обращаются в различных аспектах (Курьянов и др. 2022). В предметном поле переводоведения сверхтекст может рассматриваться как семиотический механизм, позволяющий увеличить степень переводимости (расширить возможные границы перевода) и, соответственно, переведенности вербального оригинала. В контексте восприятия такого сверхтекста (в случаях знакомства «читателей» с толстовским романом посредством его вторичных версий, представленных в нем) оригинал может утрачивать свою примарность. В таких случаях для «читателя» примарным становится кинотекст или музыкальный «текст». Интерес, вызванный у «читателя» вторичным текстом (но являющимся примарным для него), может в дальнейшем способствовать его знакомству и с текстом оригинала. Таким образом, существование сверхтекста обеспечивает сохранение текста «сильного» оригинала и его успешную «судьбу».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Авдошина, Е. (2018) Обошлись без паровоза. *Независимая газета*, 27 ноября. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/culture/2018-11-27/16_7449_serezha.html (дата обращения 04.05.2023).
- Беньямин, В. (2004) Задача переводчика. В кн.: *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. СПб.: Симпозиум, с. 27–46.
- Ван, С. (2019) К истории переводов произведений Л. Н. Толстого на китайский язык. *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, № 3, с. 62–71.
- Григорьев, А. Л. (1970) Роман «Анна Каренина» за рубежом. В кн.: *Анна Каренина: роман в восьми частях*. М.: Наука, с. 856–890.
- Кузьмина, Н. А. (2009) *Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации*. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 228 с.
- Курьянов, С. О., Александрова, И. В., Иванова, Н. П., Курьянова, В. В. (2022) Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Текстовое единство как сверхтекст. *Litera*, № 12, с. 33–51. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.12.39384>

- Плисецкая, М. (1994) *Я, Майя Плисецкая*. М.: Новости, 496 с.
- Разумовская, В. А. (2016) Центры переводной аттракции как результат переводной множественности «сильного» оригинала. В кн.: *Международный форум «Русский язык в мировом контексте и международных организациях» 28 сентября – 3 октября 2016 г., Рим, Италия. Материалы конференции*. М.: Форум, с. 348–356.
- Разумовская, В. А. (2022) Перевод как оммаж предшествующим текстам. В кн.: *Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных статей по итогам Второй всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 27–28 октября 2022 г.* СПб.: Изд-во СПбГЭУ, с. 203–208.
- Титце, Р. (2011) После бала. О новом немецком переводе «Анны Карениной». *Октябрь*, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2011/2/posle-bala-3.html> (дата обращения 25.05.2023).
- Тхарева, Т. (2020) Страсти по Анне: мировая премьера оперы «Анна К». *АртМосква*, 22 октября. [Электронный ресурс]. URL: <https://artmoskovia.ru/strasti-po-anne-mirovaya-premera-opery-anna-k.html> (дата обращения 15.05.2023).
- У, С. (2022) Ферруччо Бузони и Вальтер Беньямин: задачи переводчика. *Бюллетень международного центра «Искусство и образование»*, № 3, с. 164–175.
- Шерстнева, Е. С. (2020) Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, т. 42, № 3, с. 96–102. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.471>
- Шилова, А. (2019) Павел Каплевич: «То, что мы делаем, — больше, чем опера». *Ведомости*, 17 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/characters/2019/05/17/801622-pavel-kaplevich> (дата обращения 04.05.2023).
- Bassnett, S., Lefevere, A. (1998) *constructing cultures: Essays on literary translation*. Clevedon: Multilingual Matters Publ., 147 p.
- Jacobson, R. (1959) On linguistic aspects of translation. In: R. A. Brower (ed.). *On translation*. Cambridge: Harvard University Press, pp. 30–39.
- Razumovskaya, V. (2019) A center of translation attraction as the tower of Babel replica: Intersemiotic translation perspectives. *Mundo Eslavo*, no. 18, pp. 202–215.

References

- Avdoshina, E. (2018) Oboshlis' bez parovoza [We did it without a steam locomotive]. *Nezavisimaya gazeta*, 27 November. [Online]. Available at: https://www.ng.ru/culture/2018-11-27/16_7449_serezha.html (accessed 04.05.2023). (In Russian)
- Bassnett, S., Lefevere, A. (1998) *constructing cultures: Essays on literary translation*. Clevedon: Multilingual Matters Publ., 147 p. (In English)
- Benjamin, W. (2004) Zadacha perevodchika [The task of the translator]. In: *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature [Masks of time. Essays on culture and literature]*. Saint-Peterburg: Simpozium Publ., pp. 27–46. (In Russian)
- Grigor'ev, A. L. (1970) Roman “Anna Karenina” za rubezhom [The novel “Anna Karenina” abroad]. In: *Anna Karenina: roman v vos'mi chastyakh [Anna Karenina: A novel in eight parts]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 856–890. (In Russian)
- Jacobson, R. (1959) On linguistic aspects of translation. In: R. A. Brower (ed.). *On translation*. Cambridge: Harvard University Press, pp. 30–39. (In English)
- Kur'yanov, S. O., Aleksandrova, I. V., Ivanova, N. P., Kur'yanova, V. V. (2022) Aktual'nye voprosy teorii sverkhsteksta: literaturovedcheskij aspekt. Tekstovoe edinstvo kak sverkhstekst [Topical issues of the theory of the supertext: Literary aspect. Text unity as a supertext]. *Litera*, no. 12, pp. 33–51. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.12.39384> (In Russian)
- Kuz'mina, N. A. (2009) *Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noj interpretatsii [Intertext: The theme with variations. The culture and language phenomena in intertextual interpretation]*. Omsk: Dostoevsky Omsk State University Publ., 228 p. (In Russian)
- Plisetskaya, M. (1994) *Ya, Majya Plisetskaya [I, Maya Plisetskaya]*. Moscow: Novosti Publ., 496 p. (In Russian)
- Razumovskaya, V. A. (2016) Tsentry perevodnoj attraktsii kak rezul'tat perevodnoj mnozhestvennosti “sil'nogo” originala [Centers of translation attraction as a result of the translation multiplicity of a “strong” original]. In: *Mezhdunarodnyj forum “Russkij yazyk v mirovom kontekste i mezhdunarodnykh organizatsiyakh” 28 sentyabrya – 3 oktyabrya 2016 g., Rim, Italiya. Materialy konferentsii [International Forum “Russian language in the global context and international organizations” 28 September – 3 October 2016, Rome, Italy. Proceedings of the conference]*. Moscow: Forum Publ., pp. 348–356. (In Russian)
- Razumovskaya, V. (2019) A center of translation attraction as the tower of Babel replica: Intersemiotic translation perspectives. *Mundo Eslavo*, no. 18, pp. 202–215. (In English)
- Razumovskaya, V. A. (2022) *Perevod kak ommazh predshestvuyushchim tekstam [Translation as homage to the preceding texts]*. In: *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii: sbornik nauchnykh statej po itogam Vtoroj vserossijskoj*

- (natsional'noj) nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 27–28 oktyabrya 2022 g. [Language and culture in the era of globalization: a collection of scientific articles on the results of the Second All-Russian (national) Scientific Conference with international participation Saint Petersburg, October 27–28, 2022]. Saint-Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics Publ., pp. 203–208. (In Russian)
- Sherstneva, E. S. (2020) Perevodnaya mnozhestvennost' v kontekste evolyutsii perevodcheskoj retseptsii originala: kul'turologicheskij i eticheskij aspekty [Retranslation within the evolution of translators' reception of the original: Culturological and ethical aspects]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta — Proceedings of Petrozavodsk State University*, vol. 42, no. 3, pp. 96–102. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.471> (In Russian)
- Shilova, A. (2019) Pavel Kaplevich: “To, chto my delaem, — bol'she, chem opera” [Pavel Kaplevich: “What we do is more than an opera”]. *Vedomosti*, 17 May. [Online]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/characters/2019/05/17/801622-pavel-kaplevich> (accessed 04.05.2023). (In Russian)
- Tietze, R. (2011) Posle bala. O novom nemetskom perevode “Anny Kareninoj” [After the ball. About the new German translation of “Anna Karenina”]. *Oktyabr'*, no. 2. [Online]. Available at: <https://magazines.gorky.media/october/2011/2/posle-bala-3.html> (accessed 25.05.2023). (In Russian)
- Tkhareva, T. (2020) Strasti po Anne: mirovaya prem'era opery “Anna K” [The passions for Anna: The world premiere of the opera “Anna K.”] *ArtMoskoviya [ArtMoskoviya]*, 22 October. [Online]. Available at: <https://artmoskoviya.ru/strasti-po-anne-mirovaya-premera-opery-anna-k.html> (accessed 15.05.2023). (In Russian)
- Wang, S. (2019) K istorii perevodov proizvedenij L. N. Tolstogo na kitajskij yazyk [On the history of translations of Leo Tolstoy's works into Chinese]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 3, pp. 62–71. (In Russian)
- Wu, X. (2022) Ferruchcho Buzoni i Val'ter Ben'yamin: zadachi perevodchika [Ferruccio Busoni and Walter Benjamin: tasks of translator]. *Byulleten' mezhdunarodnogo tsentra “Iskusstvo i obrazovanie” — Bulletin of the International Centre of Art and Education*, no. 3, pp. 164–175. (In Russian)

Check for updates

Обзоры, рецензии, персоналии

УДК 821.161.1

EDN DEZGJD

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-47-49>

Амбассадоры русской литературы в Париже. Рецензия на книгу: Кузьменко О. Н. (2022) Русская литература на rendez-vous с Парижем (18 в. — 20 в.)

И. В. Фролова

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна Фролова, SPIN-код: 5082-5851, ORCID: 0000-0003-4587-2876, e-mail: [ivfrolova@herzen.spb.ru](mailto:ivfrolova@ Herzen.spb.ru)

Для цитирования: Фролова, И. В. (2023) Амбассадоры русской литературы в Париже. Рецензия на книгу: Кузьменко О. Н. (2022) Русская литература на rendez-vous с Парижем (18 в. — 20 в.). *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 1, с. 47–49. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-47-49> EDN DEZGJD

Получена 7 марта 2023; принята 15 марта 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. В. Фролова (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Ключевые слова: русский литературный Париж, русское зарубежье, парижский период, литературные связи, диалог литератур, литературное краеведение

Ambassadors of Russian Literature in Paris. Book review: Kuzmenko O. N. (2022) Russian literature on rendez-vous with Paris (18th century — 20th century)

I. V. Frolova

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Irina V. Frolova, SPIN: 5082-5851, ORCID: 0000-0003-4587-2876, e-mail: [ivfrolova@herzen.spb.ru](mailto:ivfrolova@ Herzen.spb.ru)

For citation: Frolova, I. V. (2023) Ambassadors of Russian Literature in Paris. Book review: Kuzmenko O. N. (2022) Russian literature on rendez-vous with Paris (18th century — 20th century). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 47–49. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-47-49> EDN DEZGJD

Received 7 March 2023; accepted 15 March 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. V. Frolova (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Keywords: Russian literary Paris, Russian abroad, the Paris period, literary relations, dialogue of literatures, literary local history

В рамках научно-популярной серии РФФИ в 2022 году опубликовано еще одно исследование «русского литературного следа» на карте Парижа XVIII — начала XX века, являющееся хронологическим предшественником труда «Адреса русской эмигрантской литературы в Париже (от Адамовича до Яновского)» (Кузьменко 2019).

Героями новой научно-популярной книги О. Н. Кузьменко стали русские словесники — писатели, поэты, литераторы, чьи судьбы в силу различных обстоятельств оказались связаны с Парижем. Одни находились здесь по службе (А. Д. Кантемир, Ф. И. Тютчев во второй приезд, В. В. Маяковский) или учились (М. К. Башкирцева, М. А. Волошин, Н. С. Гумилев в первый приезд, О. Э. Мандельштам), другие — проездом (Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, С. А. Есенин), по личным делам (А. О. Смирнова-Россет, И. С. Тургенев, А. А. Ахматова, И. Э. Бабель, А. Белый, В. И. Иванов), побывал во французской столице и Н. В. Гоголь, в эмиграции жил А. И. Герцен. Их парижскому периоду жизни — адресам проживания, кругу общения, установленным автором из личной переписки, газетных публикаций, архивных материалов, посвящена рецензируемая книга.

Мы взглянем на проведенное О. Н. Кузьменко исследование с другого ракурса, продиктованного сегодняшним днем и актуальной геополитической ситуацией в мире, когда в Европе предпринимаются попытки «отменить» русскую культуру, предать забвению имена ее великих представителей и отгородиться от ее современных носителей. В то же время, как красноречиво доказывают факты, изложенные в книге, русская культура (и литература как ее неотъемлемая часть) неразрывно связана с европейской культурой и с французской, в частности; несмотря на различные исторические и политические периоды, Франция всегда оставалась открытой для русских словесников.

Во избежание голословности обратимся к фактам, приведенным в книге, и остановимся на примерах тех литераторов, которые стали посредниками между культурами России и Франции в XVIII — начале XX века.

В XVIII веке своеобразным амбассадором выступал А. Д. Кантемир, дипломат, переводчик и поэт-сатирик. Перевод его сатир на французский язык аббатом Гуаско, его переводы на русский язык «Персидских писем» Монтескье, участие в публикации и постановке трагедии французского драматурга П. Морана «Меншиков», книгообмен между Парижской и Петербургской академиями наук — все это способ-

ствовало взаимному интересу и сближению культур двух стран.

В XIX веке одним из амбассадоров русской культуры и литературы в Париже стал А. Ф. Отто-Онегин, пушкинист, коллекционер. Взяв фамилию пушкинского персонажа, Александр Федорович посвятил свою жизнь собиранию рукописного наследия и реликвий А. С. Пушкина, а обосновавшись в 1880-х годах во Франции создал в своей квартире «музейчик» великого русского поэта, который насчитывал к концу его жизни 3 420 единиц хранения, и помимо пушкинского наследия включал также библиотеку В. А. Жуковского с автографами русских писателей, а также ценнейшие документы той эпохи. При жизни Отто-Онегин являлся «мостом между золотым и серебряным веком русской культуры», его квартиру-музей посещали многие русские литераторы, бывавшие во Франции или жившие там в эмиграции (Кузьменко 2022, 59). А после его кончины в 1925 году по завещанию коллекция музея вернулась на родину и была передана в фонды Пушкинского Дома в Ленинграде.

Однако «послом русской интеллигенции» в Париже в XIX веке, по меткому определению М. М. Ковалевского, являлся И. С. Тургенев, широко известный в художественно-артистической среде Франции (Кузьменко 2022, 85). С 1874 года в парижских ресторанах проходили «обеда пяти освистанных», которые совместно с Тургеневым устраивали тогдашние авторы освистанных публикой пьес, а позже классики французской литературы — А. Доде, Флобер, Э. Гонкур, Э. Золя. По свидетельству одного из участников, это был «обед талантливых людей, ценящих и уважающих друг друга» (Кузьменко 2022, 83). Роль Тургенева в культурной жизни Франции велика: она не сводится только к знакомству с крупнейшими писателями той эпохи, она и в популяризации через переводы литературы двух стран, и в создании «русской читальни», разросшейся со временем до Тургеневской библиотеки и превратившейся в духовный центр русской культуры во Франции. Благодаря своим заслугам в 1878 году Тургенев в качестве вице-президента примет участие в Первом международном литературном конгрессе в Париже и в официальной речи от лица русских литераторов скажет: «Двести лет тому назад, еще не очень понимая вас, мы уже тянулись к вам; сто лет назад мы были вашими учениками; теперь вы нас принимаете как своих товарищей <...>» (Кузьменко 2022, 85).

Неофициальная, но важная миссия будет возложена в 1853 году императором Николаем I на Ф. И. Тютчева, в совершенстве владевшего

французским языком: попытаться ослабить антирусские настроения во Франции накануне Крымской войны и создать во французской прессе положительный облик России.

Важную миссию полпреда Советов вплоть до установления в 1924 году дипломатических отношений между СССР и Францией будет выполнять В. В. Маяковский, встречаясь с парижской литературно-художественной богемой и сталкиваясь с русской литературной эмиграцией, к которой он относился непримиримо и предвзято. Сложность и противоречивость ситуации,

в которой оказался поэт, отражена в его строках: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва» (Кузьменко 2022, 167).

Формат рецензии не позволяет нам упомянуть всех героев научно-популярной книги О. Н. Кузьменко и осветить все интересные факты, связанные с парижским периодом жизни русских литераторов, писателей, поэтов.

Книга «Русская литература на rendez-vous с Парижем (18 в. — 20 в.)» ждет своего заинтересованного читателя.

Литература

- Кузьменко, О. Н. (2019) *Адреса русской эмигрантской литературы в Париже (от Адамовича до Яновского)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 296 с.
- Кузьменко, О. Н. (2022) *Русская литература на rendez-vous с Парижем (18 в. — 20 в.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 216 с.

References

- Kuzmenko, O. N. (2019) *Adresa ruskoj emigrantskoj literatury v Parizhe (ot Adamovicha do Yanovskogo) [Addresses of Russian emigrant literature in Paris (from Adamovich to Yanovsky)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 296 p. (In Russian)
- Kuzmenko, O. N. (2022) *Russkaya literatura na rendez-vous s Parizhem (18 v. — 20 v.) [Russian literature on rendez-vous with Paris (18th century — 20th century)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 216 p. (In Russian)